

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЙЕН МАКДОНАЛЬД

Лауреат премий
«ХЬЮГО», «ЛОКУС»

НОВАЯ ЛУНА

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПРОЧИТАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ
ИННОВАЦИОННЫЙ НФ-РОМАН, КОТОРОМУ ЕСТЬ ЧТО
И КАК СКАЗАТЬ, ТОГДА «НОВАЯ ЛУНА» ДЛЯ ВАС.

SF&F Reviews

Звезды научной фантастики

Йен Макдональд

Новая Луна

«АСТ»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Макдональд Й.

Новая Луна / Й. Макдональд — «АСТ», 2015 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-099687-2

Луна хочет тебя убить, и у нее есть тысячи способов добиться своего. Вакуум, радиация, удушающая пыль, слабеющие кости... Луна – новое государство, где нет законов, но есть бесконечные договоренности, где за воздух и информацию постоянно надо платить, и всем правят пять Драконов – пять индустриальных кланов. Между ними давно поделены сферы, каждый занимается своим делом, но основатели кланов стареют, их смерть уже близка, и между многочисленными наследниками развязывается жестокая борьба за новые сферы. Адриане Корте восемьдесят. Ее семья управляет корпорацией «Корта Элиу». Компания выжила в жестоких корпоративных войнах, но приобрела немало врагов. И теперь, когда с таким трудом завоеванный мир начинает трещать по швам, дети Адрианы должны спасти империю матери от развала... а еще от самих себя. Так начинается один из самых масштабных научно-фантастических романов последних лет, эпическая сага об интригах, предательствах и мести в зримом, жестоком, неожиданном и потрясающе реалистичном мире будущего.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-099687-2

© Макдональд Й., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Луна: список действующих лиц	7
Один	10
Два	30
Три	52
Четыре	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Йен Макдональд

Новая Луна

Ian McDonald
LUNA: NEW MOON

Copyright © Ian McDonald 2015. First published by Gollancz London

© Наталия Осяну, перевод, 2016

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается Энид

Луна: список действующих лиц

Термины, относящиеся к лунным брачным обычаям и корпоративным титулам, содержатся в глоссарии.

«КОРТА ЭЛИУ»¹

Адриана Корта: основательница и чхвеко «Корта Элиу»

Карлос ди Мадейрас Кастро: око Адрианы (покойный)

Рафаэл (Рафа) Корта: старший сын Адрианы. Хвэджан «Корта Элиу»

Рэйчел Маккензи: око Рафы Корты

Лусика Асамоа: кеджи-око Рафы Корты

Робсон Корта: сын Рафы Корты и Рэйчел Маккензи

Луна Корта: дочь Рафы Корты и Лусики Асамоа

Лукас Корта: второй сын Адрианы Корты. Чонму «Корта Элиу»

Аманда Сунь: око Лукаса Корты

Лукасиною Корта: сын Лукаса Корты и Аманды Сунь

Ариэль Корта: дочь Адрианы Корты. Выдающийся адвокат в Суде Клавия

Карлиньос Корта: третий сын Адрианы Корты. Руководитель поверхностных работ и защитник «Корта Элиу»

Вагнер «Лобинью» Корта: четвертый сын Адрианы Корты, изгнанный из семьи. Аналитик и лунный волк

Марина Кальцаге: рабочая-поверхностница в «Корта Элиу», позже – ассистентка Ариэль Корты

Элен ди Брага: финансовый директор «Корта Элиу»

Эйтур Перейра: глава службы безопасности «Корта Элиу»

Д-р Каролина Макаре́г: личный врач Адрианы Корты

Нильсон Нуньес: управляющий Боа-Виста²

МАДРИНЬИ

Ивети: суррогатная мать Рафы Корты

Моника: суррогатная мать Лукаса Корты

Амалия: суррогатная мать Ариэль Корты

Флавия: суррогатная мать Карлиньоса, Вагнера и Лукасиною Корты

Элис: суррогатная мать Робсона и Луны Корты

«МАККЕНЗИ МЕТАЛЗ»

Роберт Маккензи: основатель «Маккензи Металз», генеральный директор на пенсии

Алисса Маккензи: око Роберта Маккензи (покойная)

Дункан Маккензи: старший сын Роберта и Алиссы Маккензи, генеральный директор «Маккензи Металз»

Анастасия Воронцова: око Дункана Маккензи

Рэйчел Маккензи: младшая дочь Дункана и Анастасии, око Рафы Корты и мать Робсона Корты

Аполлинария Воронцова: кеджи-око Дункана Маккензи

¹ *Элиу* (hélio) – гелий (браз. порт.). Здесь и далее прим. пер.

² *Боа-Виста* (Boa Vista) – прекрасный вид (браз. порт.).

Эдриан Маккензи: старший сын Дункана и Аполлинарии; око Джонатона Кайода, Лунного Орла

Денни Маккензи: младший сын Дункана и Аполлинарии, глава «Маккензи Фьюзибл», подразделения «Маккензи Металз» по гелию-3

Брайс Маккензи: младший сын Роберта Маккензи, финансовый директор «Маккензи Металз», отец многочисленных «приемных детей»

Хоан Рам Хун: приемный сын Брайса Маккензи и на короткий срок – око Робсона Корты

Джейд Сунь-Маккензи: вторая око Роберта Маккензи

Хэдли Маккензи: сын Джейд Сунь и Роберта Маккензи; защитник «Маккензи Металз».

Сводный брат Дункана и Брайса

Анелиза Маккензи: темная амор Вагнера Корты в его темной ипостаси

Оуэн Киф: глава службы безопасности «Маккензи Металз»; его преемник на этом посту – Хэдли Маккензи

Кира Маккензи: лунная бегунья

АКА

Лусика Асамоа: око Рафы Корты, позднее – член Котоко

Абена Асамоа: лунная бегунья

Коджо Асамоа: коллега Лукасинью Корты по коллоквиуму и лунный бегун

Йа Афуом Асамоа: любительница вечеринок в Тве

Адофо Менса Асамоа: омахене Золотого Трона, глава Котоко

«ТАЙЯН»

Джейд Сунь: око Дункана Маккензи

Аманда Сунь: око Лукаса Корты

Джейден Вэнь Сунь: владелец гандбольной команды «Тигры Сунь»

Джейк Тэнлун Сунь: генеральный директор недолговечного дизайнерского дома «Птички-невелички»

Фу Си, Шэньнун, Желтый Император: Три Августейших, ИИ высокого уровня, разработанные «Тайяном»

ВТО

Валерий Воронцов: основатель ВТО, последние пятьдесят лет провел в невесомости на борту циклера «Святые Петр и Павел»

Николай «Ник» Воронцов: командующий флотом лунных кораблей ВТО

Григорий Воронцов: недолгое время был амором Лукасинью Корты и приютил его

КОРПОРАЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЛУНЫ

Джонатон Кайод: Орел Луны, президент Корпорации по развитию Луны

Судья Куфуор: старший судья в Суде Клавия и наставник Ариэль Корты в вопросах права

Нагаи Риеко: старший судья в Суде Клавия и член Павильона Белого Зайца

Видья Рао: экономист и математик, член «Белого Зайца» и Лунарианского общества, участник кампании за независимость. Разработал Трех Августейших вместе с «Тайяном» для корпорации «Уитэкр Годдард»

СЕСТРИНСТВО ВЛАДЫК СЕГО ЧАСА

Ирман Лоа: исповедница Адрианы Корты

Мадринья Флавия: присоединилась к Сестринству после изгнания из Боа-Виста

Майн-ди-санту Одунладе Абоседе Адекола: матрона Сестер Владык Сего Часа

МЕРИДИАН / ЦАРИЦА ЮЖНАЯ³

Жоржи Нардис: исполнитель босанова и амор Лукаса Корты

Сони Шарма: ученый из Университета Невидимой стороны

Мариану Габриэл Демария: директор Школы Семи Колоколов, учебного заведения для наемных убийц

Ань Сюин: торговый делегат от Китайской корпорации энергетических инвестиций

Элиза Стракки: разработчик-фрилансер в области нанотехнологий, работала на «Птичек-невеличек»

ВОЛКИ

Амаль: вожак волчьей стаи Меридиан Блю

Саша «Волчонок» Эрмин: вожак стаи Волки Магдалены из Царицы Южной

Ирина: стайная амор Вагнера Корты в светлое время

³ Название этого лунного города (англ. Queen of the South) представляет собой библейскую отсылку: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот здесь больше Соломона» (Евангелие от Матфея 12:42).

Один

В белой комнате на краю Центрального залива сидят шесть обнаженных подростков. Три девочки, три мальчика. Кожа их черна, желта, коричневая, бела. Они почесываются – непрерывно, сосредоточенно. Давление воздуха падает, и шкура сохнет, зудит.

Комната тесная – бочка, в которой едва ли можно выпрямиться в полный рост. Ребята зажаты на скамьях лицом друг к другу, бедра каждого прижимаются к соседским, колени касаются тех, что с противоположной стороны. Смотреть некуда и не на кого, кроме как друг на друга, но они избегают встречаться взглядами. Слишком близки, слишком беззащитны. Каждый дышит через прозрачную маску. Там, где она неплотно прилегает, раздается шипение кислорода. Под окошком на двери наружного шлюза – манометр. Он показывает пятнадцать килопаскалей. Понадобился час, чтобы так опустить давление.

Но снаружи вакуум.

Лукасиною наклоняется вперед и снова выглядывает в окошко. Люк увидеть легко; путь к нему открытый и прямой. Солнце стоит низко, тени длинные и густые, обращенные в сторону Лукасиною. Они чернее черного реголита и, возможно, таят множество ловушек. «Температура на поверхности – сто двадцать по Цельсию, – предупредил фамильяр. – Это будет прогулка сквозь пламя».

Прогулка сквозь пламя, прогулка сквозь лед.

Семь килопаскалей. Лукасиною кажется, что он раздулся, кожа его туго натянута и нечиста. Когда манометр покажет пять, шлюз откроется. Жаль, что с Лукасиною нет фамильяра. Цзиньци мог бы замедлить его колотящееся сердце, успокоить дергающуюся мышцу в правом бедре. Он мельком встречается взглядом с девушкой напротив. Она из Асамоа; рядом с нею сидит старший брат. Ее пальцы вертят амулет адинкра на шее. Фамильяр должен был ее об этом предупредить. Там, снаружи, металл может мгновенно вплавиться в кожу. Возможно, символ «Геньями» останется с ней навсегда в виде шрама. Девушка едва заметно улыбается Лукасиною. Шесть обнаженных, красивых и юных людей прижимаются бедро к бедру, но в камере царит сексуальный вакуум. Все мысли обращены к тому, что поджидает за дверью шлюза. Два Асамоа; девушка из семейства Сунь; девушка из семейства Маккензи; парнишка-Воронцов учащенно дышит от испуга; и Лукасиною Алвес Ман ди Ферро Арена ди Корта. Лукасиною перепихнулся со всеми, кроме девушки-Маккензи. Корта и Маккензи друг с другом не перепихиваются. И кроме Абены Маану Асамоа, потому что ее совершенство отпугивает Лукасиною Кортю. А вот ее брат, да – минет он делает лучше всех.

Двадцать метров. Пятнадцать секунд. Цзиньци выжигает эти цифры в его памяти. Расстояние до второго шлюза. Время, на протяжении которого обнаженный человек может выжить в жестком вакууме. Пятнадцать секунд до потери сознания. Тридцать секунд до необратимых повреждений. Двадцать метров. Десять широких шагов.

Лукасиною улыбается красавице Абене Асамоа. Потом включается красный свет. Шлюз открывается, Лукасиною в тот же миг вскакивает. Вместе с последним воздухом его вышвыривает наружу, в Центральный залив.

Первый шаг. Правая нога касается реголита, и от этого все мысли вылетают прочь из головы. Глаза горят. Легкие полыхают. Его вот-вот разорвет на части.

Второй шаг. Выдохнуть. «Выдыхай. Давление в легких должно равняться нулю», – предупреждал Цзиньци. Нет-нет, это неправильно, это смерть. Выдохни, или легкие взорвутся. Его ступня опускается.

Третий шаг. Он выдыхает. Дыхание замерзает на лице. Вода на языке и слезы в уголках глаз кипят.

Четыре. Абена Асамоа вырывается вперед. Ее кожа серая от инея.

Пять. Глаза замерзают. Он не смеет моргнуть. Веки намертво склеятся от мороза. Моргнешь – ослепнешь, ослепнешь – умрешь. Он сосредотачивается на шлюзе, обрамленном синими путеводными огнями. Тощий мальчишка-Воронцов обгоняет. Бежит как безумный.

Шесть. Сердце лихорадочно бьется, пылая. Абена Асамоа кидается в шлюз и, протягивая одну руку к маске, бросает взгляд через плечо. Ее глаза широко распахиваются, она что-то видит позади Лукасинью. Ее рот открывается в беззвучном крике.

Семь. Он оборачивается. Коджо Асамоа упал и катится кувырком. Коджо Асамоа тонет в лунном океане.

Восемь. Лукасинью, готовый броситься к синим огням шлюза, вскидывает руки и прерывает свой безудержный бег.

Девять. Коджо Асамоа пытается подняться на ноги, но он ослеп, пыль примерзла к глазным яблокам. Он размахивает руками, рывком поднимается, валится вперед. Лукасинью хватается его за руку. Вставай. Вставай же!

Десять. Краснота пульсирует в глазах: круг света и сознания, сфокусированного на круге входного шлюза. С каждым всплеском красноты в его распадающемся мозгу круг сужается. «Дыши! – вопят легкие. – Дыши!» Вверх. Вверх. Шлюз полон рук и лиц. Лукасинью швыряет себя в круг тянущихся рук. Кровь его кипит. Газ пузырится в жилах; каждый пузырек – раскаленный добела металлический шарик. Силы покидают Лукасинью. Разум умирает, но он не отпускает руку Коджо. Тянет руку, тянет парня; сам в агонии, горит. Шлюз содрогается, и с воющим звуком в него врываются потоки воздуха.

В оставшемся крошечном поле зрения Лукасинью видит путаницу из конечностей, кожи, задов и животов, с которых капает конденсат и пот. Он слышит, как судорожные вздохи переходят в смех, всхлипы – в безумное хихиканье. Тела сотрясает мелкая дрожь от сумасшедшего смеха. Мы выдержали лунную гонку. Мы победили Госпожу Луну.

Еще одно видение-вспышка: красное пятно на центральной линии наружной двери шлюза, причудливое красное на белом. Лукасинью сосредотачивается на нем как на центре мишени и весь превращается в линию, которая тянется от точки до точки. Пока сознание поглощает тьма, он понимает, что это за пятно. Кровь. Наружная дверь шлюза захлопнулась на большом пальце левой ноги Коджо Асамоа, полностью его расплющив.

Теперь – тьма.

Крылатая женщина взмывает с вершины термического потока. Свет раннего утра обливает ее золотом. Коснувшись самой крыши мира, летунья изгибает спину, прижимает руки к груди, делает резкое движение ногами и ласточкой ныряет вниз. Камнем пролетает сто метров, двести – черная точка, со свистом несущаяся из фальшивой зари мимо фабрик и квартир, окон и балконов, канатных дорог и лифтов, прогулочных дорожек и мостов. В последний момент растопыривает пальцы, расправляет первичные нановолоконные перья и прерывает падение. Устремляется вверх, высоко, крылья вспыхивают на свету, который делается все ярче. Три взмаха – и она уже на расстоянии километра, превратилась в золотую искру на фоне квадраты Ориона, напоминающей своим видом грандиозный каньон.

– Сука, – шепчет Марина Кальцаге. Она ненавидит свободу летающей женщины, ее атлетичность, безупречную кожу и подтянутое, как у гимнастки, тело. Но больше всего ненавидит то, что у этой женщины есть дыхание, которое можно тратить на приятное времяпрепровождение, в то время как Марине приходится сражаться за каждый глоток воздуха. Марина убавила дыхательный рефлекс. Чиб на глазном яблоке показывает, что ее кислородная задолженность растет. Каждый глубокий вдох стоит денег. Она превысила кредитный лимит в дыхательном банке. Все еще не может забыть панику, которую испытала, когда в первый раз попыталась сморгнуть чиб с глаза. Он все не исчезал. Она потыкала его пальцем. Тот остался прикрепленным к главному яблоку.

– Все их носят, – сказал агент по ознакомлению и акклиматизации из КРЛ. – От Джо Лунницы напрямик из циклера до самого Орла.

Пробудились статусные строки ее Четырех Базисов: воды, пространства, данных и воздуха. С того момента они измеряли и оценивали каждый глоток и сон, каждую мысль и вздох.

К моменту, когда Марина добирается до вершины лестницы, голова у нее плывет. Марина прислоняется к низким перилам, чтобы перевести дух. Перед нею ужасная, заполненная людьми пропасть, блистающая тысячами огней. Квадры Меридиана уходят на километр в глубину и подчиняются обратному социальному порядку: богачи живут внизу, бедняки – наверху. Ультрафиолет, космические лучи, заряженные частицы солнечных вспышек бомбардируют обнаженную поверхность Луны. Радиацию охотно поглощают несколько метров лунного реголита, но высокоэнергетичные космические лучи высекают из почвы каскадные фейерверки вторичных частиц, которые могут повредить человеческую ДНК. Поэтому человеческие обитающие уходят в глубину и граждане живут настолько далеко от поверхности, насколько могут себе позволить. Только промышленные уровни находятся выше Марины Кальцаге, и они почти полностью автоматизированы.

У фальшивых небес прыгает вверх-вниз одинокий серебристый детский шарик, угодивший в ловушку.

Марина Кальцаге идет наверх, чтобы продать содержимое своего мочевого пузыря. Скупщик кивком впускает клиентку в будку. Ее моча скудна, охряного цвета и с вкраплениями. Неужели это следы крови? Мужчина анализирует жидкость на минералы и питательные вещества, рассчитывается. Марина переводит средства на свой сетевой счет. Можно убавить дыхание, присвоить чужую воду, выклянчить еду, но пропускную способность подаянием не заработаешь. Из облачка частиц над левым плечом возникает Хетти, фамильяр Марины. Базовая, бесплатная оболочка, но Марина Кальцаге снова в сети.

– В следующий раз, – шепчет она, продолжая подниматься, направляясь к туманной ловушке. – Я достану фарму в следующий раз, Блейк.

Последние ступеньки Марина преодолевает на четвереньках. Пластиковую конструкцию она соорудила из отборного мусора, который удалось захватить и спрятать до того, как утильботы заббалинов смогли бы использовать его для других целей. Принцип работы древний и надежный. Пластиковая сеть подвешена между опорными балками. Теплый влажный воздух поднимается и в прохладе искусственной ночи порождает мимолетные перистые облака. Туман конденсируется на мелкоячеистой сетке и стекает по ее волокнам в накопительный контейнер, собираясь в достаточном объеме для питья. Глоток поменьше для нее, побольше – для Блейка.

Возле ловушки кто-то есть. Высокий, по-лунному худой мужчина пьет из контейнера.

– Отдай!

Мужчина смотрит на нее и допивает последние капли.

– Это не твое!

У Марины еще остались земные мышцы. Пусть в легких нет воздуха, она справится с этим большим, бледным и хрупким луноцветом.

– Убирайся отсюда. Это мое.

– Уже нет. – В его руке нож. Нож ей не одолеть. – Если я тебя здесь снова увижу, если что-то отсюда пропадет, я тебя порежу на куски и продам.

Марина ничего не может сделать. Никакие действия, слова, угрозы или хитроумные идеи ничего не изменят. Этот мужчина с ножом сразил ее наповал. Она может лишь скрыться с глаз долой, униженная. С каждым шагом, с каждой ступенькой позор давит все тяжелей. На маленькой галерее, с которой Марина увидела летающую женщину, она падает на колени и с судорожной яростью блюет. Рвотные спазмы сухие, натужные и непродуктивные. Внутри нее не осталось ни влаги, ни еды.

Такой вот лунный ап-аут⁴.

Лукасињу просыпается. Его лицо накрыто прозрачным панцирем, который так близко, что дыхание его туманит. Лукасињу паникует, вскидывает руки, чтобы отбросить штуковину, которая вызывает клаустрофобию. Ощущение тяжести и теплоты распространяется внутри черепа, по задней части головы, вдоль рук, торса. Никакой паники. Спи. Последнее, что он видит, – фигура у изножья кровати. Лукасињу знает: это не призрак, потому что на Луне призраков нет. Ее камни их отвергают, ее радиация и вакуум изгоняют. Призраки – существа хрупкие, сотворенные из дыма, бледных красок и вздохов. Но серая фигура со сложенными руками и впрямь похожа на привидение.

– Мадринья Флавия?

Привидение смотрит на него и улыбается.

Господь не покарает женщину, которая ворует от отчаяния. Марина проходит мимо уличного храма каждый день, возвращаясь от скупщика мочи: вокруг Казанской иконы Божьей Матери светится созвездие пульсирующих биоламп. В каждом из этих пузырьков желе содержится глоток воды. Марина грешит проворно, запихивая их в свой рюкзак. Четыре отдаст Блейку. Его все время мучает жажда.

Прошло всего две недели, но Марине кажется, что она знала Блейка всю жизнь. В нищете время тянется медленно. И нищета – она как лавина. Один маленький промах-камешек вываливается, ударяется о другой, сбивает с места еще несколько, и все скользит, катится прочь. Один отмененный контракт. Однажды из агентства не позвонили. А маленькие цифры на краю ее поля зрения продолжали уменьшаться. Скользили, катились прочь. И вот она начала подниматься по приставным лестницам и каменным ступенькам, все выше по стенам квадры Ориона. Прочь от переплетения мостов и галерей, прочь от широких улиц с апартаментами, по все более крутым ступенькам и лестницам (ибо лифты стоят денег, а на самые высокие уровни и вовсе не ходят), к нависающей громаде штабелей и кубов – Байрру-Алту⁵. Разреженный воздух пах фейерверком: вокруг дикий камень, лишь недавно обработанный строительными ботами, да пористое стекло. Пешеходные дорожки опасно виляли мимо дверей-занавесок в каменных клетушках, озаряемых лишь тем светом, который падал сквозь вход и незастекленные окна. Один ложный шаг означал крик, медленно удаляющийся к неоновым огням проспекта Гагарина.

Байрру-Алту менялся с каждым проходящим месяцем, и Марине пришлось долго брести, прежде чем она разыскала жилище Блейка. «Совместная аренда квартир; суточные расходы суммируются», – гласила реклама в каталогах Меридиана.

– Я здесь не задержусь, – сообщила она, окинув взглядом единственную комнату с двумя матрасами из пены с эффектом памяти, пустые пластиковые бутылки из-под воды, валяющиеся на полу подносы от съестного.

– Никто не задерживается, – сказал Блейк. Потом выкатил глаза и согнулся пополам в приступе сокрушительного, бесплодного кашля, содрогаясь всем хилым телом.

Сухой и отрывистый кашель, тот не дал Марине заснуть; Блейк трижды кашлянул, тихонько и почти раздраженно. Потом еще трижды. И еще трижды. И еще трижды. Из-за кашля она бодрствовала все последующие ночи.

⁴ *Ap-aum* (up and out) – биржевой термин, означающий разновидность барьерного опциона. Выплата по такому опциону зависит от того, достигла ли цена базового актива определенного уровня за некий период времени. Соответствующий уровень в случае ап-аута «выключает», то есть обесценивает, опцион. По всей видимости, аналогия проходит между ростом цены базового актива и подъемом Марины Кальцаге все выше к «крыше мира».

⁵ *Bairro Alto* – высокий район (*norm.*).

Это песня Байрру-Алту: кашель. Силикоз. Лунная пыль превращает легкие в камень. Вслед за параличом приходит туберкулез. Фаги лечат его без труда. Люди, которые живут в Байрру-Алту, тратят свои деньги на воздух, воду и пространство. Даже дешевые фаги им не по карману.

«Марина». Фамильяр так давно с ней не разговаривал, что она от неожиданности падает с приставной лестницы. «У тебя есть предложение работы». Падать несколько метров; пустяк в этой безумной гравитации. Она все еще летает во сне: превращается в заводную птицу, которая курсирует вокруг модели Солнечной системы. Системы, что вертится посреди каменной клетки.

– Я его приму.

«Это ресторанное обслуживание».

– Я согласна.

Марина готова на все. Просматривает контракт. Она низко оценила свои услуги, но предложение подходит, пусть и с натяжкой. Для нее это воздух-вода-углерод-сеть и чуть-чуть про запас. Есть аванс. Нужна новая униформа из принтера. И надо наведаться в баню. Она чувствует вонь от своих волос. И билет на поезд.

Через час надо быть на Центральном вокзале. Моргнув, Марина подписывает. Контактная линза сканирует рисунок сетчатки и передает в агентство. Фамильяры пожимают друг другу руки, и на счете появляются деньги. От внезапной радости становится больно. Мощь и магия денег не в том, чем они позволяют владеть, а в том, кем они позволяют быть. Деньги – это свобода.

– Увеличивай, – говорит она Хетти. – Восстанови значения по умолчанию.

Напряжение в легких мгновенно отпускает. Выдох прекрасен. Вдох равен экзальтации. Марина наслаждается парфюмом Меридиана: озон и порошок с нотами нечистот и плесени. А когда наступает момент, на котором вдох должен закончиться, он продолжается. Марина вдыхает глубоко.

Но время поджимает. Чтобы успеть на поезд, придется воспользоваться лифтом на 83-м западном уровне, однако он в противоположной стороне от квартиры Блейка. Лифт или Блейк? И думать нечего.

Лукасиню снова просыпается. Пытается сесть и от боли падает на кровать. Все ноет так, словно каждую мышцу в теле оторвали от кости или сустава, а на ее место засыпали измельченное стекло. Он лежит на кровати, одетый в герметичный костюм – такой же, какой надел бы для нормальной, безопасной, обычной прогулки по поверхности. Он может двигать руками, кистями. Его пальцы прогуливаются по телу вверх и вниз, проводя критический анализ. Пресс, мышечная броня поперек живота, бедра тугие и четко очерченные. Его зад на ощупь великолепен. Он хотел бы коснуться своей кожи. Ему надо знать, что с кожей все в порядке. Он знает благодаря своей коже.

– Я дерьмово себя чувствую. Даже глаза болят. Меня чем-то накачивают?

«Мю-опиоидные кластеры в твоём околотоводопроводном сером веществе подвергаются прямой стимуляции, – говорит голос внутри его головы. – Я могу отрегулировать входной сигнал».

– Эй, Цзиньци, ты вернулся. – Его фамильяр придиричив, как дворецкий, и эту манеру речи ни с кем не перепутаешь. У фамильяров проблемы с расплывчатыми формулировками. Лукасиню видит чиб в правом нижнем углу поля зрения. Человеку из семьи Корты не нужно обращать внимание на эти цифры, но он рад их видеть. Чиб сообщает, что он жив, в сознании и потребляет. – Где я?

«Ты в медицинском учреждении „Санафил Меридиан“, – говорит Цзиньци. – Тебя переместили из гипербарической камеры в компрессионный костюм. Ты перенес серию искусственно вызванных коматозных состояний».

– Как долго? – Лукасинью пытается сесть. Боль продирается вдоль каждой кости и сустава. – Моя вечеринка!

«Ее перенесли. Тебе предстоит еще одна искусственная кома. Отец придет повидаться с тобой».

На стенах разворачиваются белые суставчатые медицинские руки.

– погоди, постой. Я видел Флавию.

«Да. Она приходила тебя навестить».

– Не говори ему.

Лукасинью так и не понял, отчего отец изгнал мадрию, его суррогатную мать из Боависта утром того дня, когда ему исполнилось пять лет. Но ему известно, что если Лукас Корта узнает о визите мадрии Флавии, он причинит ей боль с озлобленностью, помноженной на сто.

«Я не скажу», – обещает Цзиньци.

Лукасинью просыпается в третий раз. В ногах кровати стоит его отец. Лукас Корта – мужчина невысокий, худощавый; он угрюм и встревожен в той же степени, в какой его брат великодушен и излучает золотое сияние. Держится с достоинством, элегантно, усы и борода словно начертаны карандашными линиями, да и только; совершенен, но постоянно просчитывает, как сохранить это совершенство: его одежда, его волосы, его ногти безукоризненны. Хладнокровный, расчетливый человек. Над его левым плечом висит Токиню. Фамильяр Лукаса Корты выглядит замысловатым переплетением музыкальных нот и сложных аккордов, которые время от времени превращаются в едва слышный шепот гитары, играющей босанова.

Лукас Корта аплодирует. Пять четких хлопков.

– Поздравляю. Теперь ты бегун.

Внутри семьи и за ее пределами известно, что Лукас Корта никогда не принимал участия в лунной гонке. Причина – его секрет: Лукасинью слышал, что людей, которые суют нос в это дело, жестоко наказывают.

– Команда скорой помощи; офтальмики, спецы по пневмотораксу; аренда гипербарической камеры, аренда герметичного костюма, оплата O₂... – говорит его отец. Лукасинью спускает ноги с кровати. Медицинские боты сняли с него гермокостюм. Вокруг открываются белые стены; роботические руки выдвигаются, предлагая свеженапечатанную одежду. – Перевод из Меридиана в Жуан-ди-Деус...

– Я в Жуан-ди-Деусе?

– Тебе предстоит вечеринка. Герой возвращается домой. Соберись с силами. И постарайся пять минут ни в кого не засовывать свой член. Прибыли все. Даже Ариэль сумела оторваться от своих дел в Суде Клавия.

Прежде всего самое главное. Металлические лабреты и штанги⁶ – сувениры, напоминающие о расставаниях, – проникают в аккуратные отверстия в его теле. Цзиньци демонстрирует Лукасинью его самого, чтобы юноша смог начесать кок, придав ему величие, какое возможно лишь при малой силе тяжести; грива цвета темной морской волны, блестящая и густая. Убийственные скулы, а об мышцы пресса можно камни разбивать. Он выше отца. Все в третьем поколении выше, чем во втором. Он чертовски хорош собой.

– Жить будет, – говорит Лукас.

– Кто? – Лукасинью, поколебавшись, выбирает рубашку с меланжевым узором в светло-коричневых тонах.

⁶ Лабреты и штанги – разновидности пирсинга.

– Коджо Асамоа. У него двадцатипроцентные ожоги второй степени, поврежденные альвеолы, разорванные кровеносные сосуды, мозговые поражения. И минус один большой палец на ноге. С ним все будет в порядке. В Боа-Виста дожидается делегация Асамоа, чтобы поблагодарить тебя.

Возможно, там будет Абена Асамоа. Может, она окажется настолько благодарной, что позволит себя трахнуть. Желтовато-коричневые брюки с двухсантиметровыми подворотами и шестью защипами. Лукасинью застегивает ремень. Носки из паутинного шелка и двухцветные лоферы. Это вечеринка, так что пиджак спортивного типа подойдет. Он выбирает твидовый и, пропуская ткань между пальцами, чувствует покалывание волокон. Это животная штуковина, не напечатанная. Немыслимо дорогая животная штуковина.

– Ты мог погибнуть.

Надевая жакет, Лукасинью замечает булавку на отвороте: «Дона Луна», сигилла лунных бегунов. Святая-покровительница Луны: Владычица жизни и смерти, света и тьмы, одна половина ее лица – черный ангел, другая – голый белый череп. Двудикая госпожа. Царица Луна.

– Что бы тогда делала семья?

Как отец Лукасинью узнал, что он выберет жакет с булавкой? Потом манипуляторы забирают остальную одежду в стены, и лунный бегун успевает заметить, что «Дона Луна» есть на каждом пиджаке.

– На твоём месте я бы его бросил.

– Ты не был на моём месте, – говорит Лукасинью. Цзиньци демонстрирует общий результат его выбора. Элегантно, но не напыщенно, небрежно, но стильно и соответствует тренду сезона, то есть европейским 1950-м. Лукасинью Корта обожает одежду и украшения. – Теперь я готов к своей вечеринке.

– Я сражусь с тобой.

Слова Ариэль Корты четко разносятся по всему суду. И зал взрывается. Ответчик вопит: так нельзя. Его адвокат мечет громы и молнии – незаконное использование судебной процедуры! Юридическая команда Ариэль – теперь, когда достигнуто соглашение о судебном поединке, они стали ее секундантами – умоляет, упрощает, кричит, что это безумие, что защитник Альяума разрежет ее на части. Публика взволнованно гудит на галерее. Судебные журналисты забили всю пропускную полосу, передавая репортажи в прямом эфире.

Рутинное разбирательство об опеке после развода превратилось в драму высшей пробы. Ариэль Корты в Меридиане – и, соответственно, на Луне – ведущий брачный адвокат, она и сводит, и разводит. Ее контракты-никахи затрагивают каждого из Пяти Драконов, величайших лунных семейств. Она устраивает свадьбы, договаривается о прекращении брака, разыскивает лазейки в титаново прочных никахах, торгуется об отступных и добивается сокрушительных алиментов. У суда, галереи для публики, прессы и хроникеров, а также у поклонников судебных разбирательств высочайшие ожидания по поводу процесса Альяум против Филмус.

Ариэль Корты не разочаровывает следящих за процессом. Она снимает перчатки. Стаскивает туфли. Выскальзывает из своего платья от «Диор». Предстает перед Судом Клавия в блестящих и обтягивающих капри и спортивном топике. Хлопает по спине Ишолу, своего защитника. Он – широкоплечий упрямый йоруба, славный малый и жестокий боец. Из Джо Лунников – новых иммигрантов – с их земной мышечной массой получают лучшие судебные бойцы.

– Я с ним сама разберусь, Ишола.

– Нет, сеньора.

– Он меня и пальцем не тронет.

Ариэль подходит к троице судьям.

– Нет возражений по моему вызову?

Судья Куфуор и Ариэль Корга знакомы давно; они учитель и ученица. В свой первый день в юридической школе она узнала от него, что лунный закон держится на трех опорах. Первая состоит в том, что нет никакого уголовного права, только договорное: предметом сделки может служить что угодно. Вторая – в том, что чем больше законов, тем хуже законность. Третья – в том, что проворный ход, ловкий вираж и рискованный поступок в той же степени действенны, что и веский аргумент или перекрестный допрос.

– Советник Корга, вы знаете не хуже нас, что это Суд Клавия. Все можно подвергнуть испытанию, включая Суд Клавия, – говорит судья Куфуор.

Ариэль сжимает пальцы правой руки и опускает голову пред лицом судей. Поворачивается к яме, где уже стоит защитник ответчика. Он весь из мышц и шрамов, ветеран двух десятков разбирательств, которые закончились поединками, и он уже призывает ее продолжить, спуститься, сойти на судебную арену.

– Так давайте сразимся.

Зал суда ревет в знак одобрения.

– До первой крови, – кричит Эральдо Муньос, адвокат Альяума.

– О нет! – рывкает Ариэль Корга. – Насмерть – или никак.

Ее команда, ее защитник вскакивают на ноги. Судья Нагаи Риеко пытается перекрыть взволнованную толпу:

– Советник Корга, я должна вас предупредить...

Среди шума и криков Ариэль Корга держится с достоинством и излучает мощь; она – воплощенное спокойствие в сердце бури из голосов. Адвокаты ответчика совещаются, опустив головы, бросают на нее быстрые взгляды и возвращаются к своему спешному и тихому разговору.

– Прошу внимания суда. – Муньос вскакивает. – Ответчик отзывает свои требования.

В зале номер три все перестают дышать.

– Тогда решение выносится в пользу истца, – говорит судья Чжан. – Расходы возлагаются на ответчика.

В третий раз зал взрывается, и теперь громче всего. Ариэль впитывает обожание до последней капли. Убеждается, что камеры видят ее во всех ракурсах. Достает из сумки длинный и изящный титановый вейпер, раздвигает на всю длину, фиксирует, зажигает и выдыхает тонкую струю белого дыма. Набрасывает жакет на одно плечо, подцепляет туфли пальцем и гордо выходит из зала суда в своей бойцовой одежде. Аплодисменты, лица, роящееся облако фамильяров – она поглощает все. Любой суд – это театр.

Вид наружу стоит дорого; развлечения стоят еще дороже, так что Марина сидит на нижнем ярусе, на месте в центральной части, и корчит рожи мальчишке, который пялится на нее через щель между подголовниками. Из Меридиана в Жуан-ди-Деус поезд идет всего час. Смешить ребенка – достаточное развлечение. Это первый раз, когда Марина выбирается за пределы Меридиана. Она на Луне. Она на поверхности Луны, мчится по магнитным рельсам со скоростью тысяча километров в час и ничего не видит, потому что сидит внутри металлической трубы. Равнины и ободы кратеров, каньоны и крутые откосы. Великие горы и огромные кратеры. Все там, за пределами этого интерьера, теплого, пахнущего жасмином, выкрашенного в пастельные тона и располагающего к болтовне. Все серое и пыльное. Все одинаковое, лишённое великолепия. Она ничего не упускает.

У Хетти полный доступ к сети, так что, когда мальчишке велят не приставать к леди в заднем ряду, Марина занимает себя музыкой и картинками. Ее сестра загрузила новые семейные фотографии. Там есть ее новая племянница и ее старый племянник. Там есть зять Арун. Там есть ее мать – в кресле, с трубками, торчащими из тыльной стороны ладоней. Она улыбается. Марина рада, что не видит безвоздушных гор, суровых пустых морей. По сравнению с

пышной листвой, небесами цвета бледно-сизого голубинового оперения, морем столь зеленым и обильным, что кажется, будто его глубину можно ощутить с помощью обоняния, Луна выглядела бы белым черепом. В этом поезде Марина может притвориться, будто она дома, на Земле, и, выйдя наружу, окажется среди деревьев и вулканов Каскадии.

«Мама начинает новый курс во вторник». Кесси бы никогда открыто не попросила денег, но просьба таится внутри. Мамины медицинские счета отправили Марину на Луну. Большой Бум на Луне! И все тянут руки. Все, каждую секунду каждого дня. Марина борется с гневом. Это не по-лунному. Если бы все вели себя в соответствии с чувствами, города бы к ночи превратились в морги.

Поезд, замедляясь, въезжает в Жуан-ди-Деус. Пассажиры собирают вещи. Инструкции Хетти гласят, что надо представиться охране на платформе номер шесть и оттуда частный трамвай отвезет куда надо. Марина ощущает прилив возбуждения; она впервые думает о том, что лежит на другом конце этой частной трамвайной линии: Боа-Виста, легендарный дворец-сад семьи Корта.

Снаружи судебного зала номер три Ариэль Корту обступает свита. Ее постоянно окружают поклонники, прилипалы, потенциальные клиенты, потенциальные ухажеры разнообразной гендерной принадлежности. «Привлекательная» – вот первая вещь, которую люди говорят про Ариэль. Члены семейства Корта никогда не отличались необыкновенной красотой, но бразильцы не бывают уродливыми, и каждый из детей Адрианы не без изящества вынуждает любоваться собой. Привлекательность Ариэль – ее опора; она несет себя с достоинством и уверенностью, с хладнокровной непоколебимостью. Внимание так и течет в ее сторону. Ее коллега Идрис Ирмак проталкивается сквозь поцелуи и поздравления.

– Ты могла там умереть.

Над головой Ариэль роятся камеры размером с насекомых.

– Нет, не могла.

– Он мог выпустить тебе кишки.

– Ты так считаешь?

Руки Ариэль поднимаются и хватают Идриса за предплечье. Она берет в захват его локоть. Если чуть увеличит нажим, сустав выскочит, как крышка от бутылки. Свита ахает. Камеры резко снижаются для лучшего угла съемки. Это сенсационно. Сетевые сплетники будут визжать несколько дней. Ариэль освобождает «пленника». Идрис трясет рукой, которую терзает мучительная боль. Всех детей в семье Корта учат Грейси джиу-джитсу. Адриана Корта убеждена, что каждый ребенок должен быть знатоком какого-нибудь боевого искусства, играть на музыкальном инструменте, говорить на трех языках, читать годовые отчеты и танцевать танго.

– Он бы меня на ленточки порезал. Думаешь, я бы стала рисковать, если бы не знала, что Муньос капитулирует?

Идрис развел руками. Объяснить ему трюк?

– Альяумы были клиентами Маккензи, пока Бетаке Альяум не оскорбил Дункана Маккензи, не женившись на Тэнси Маккензи, – говорит Ариэль. Свита с благоговением ловит каждое слово. – Маккензи отозвали свою помощь. А раз ее нет, то, если бы Альяум меня хоть поцарапал, им пришлось бы столкнуться с вендеттой семьи Корта, не имея за спиной Дома Маккензи. Они не могли пойти на такой риск. Я все это время вела дело к судебному поединку, потому что знала: им придется уступить. – Она останавливается у двери адвокатской комнаты и поворачивается к свите. – А теперь прошу прощения, но у меня впереди лунная вечеринка в честь племянника, и я попросту не могу пойти на нее в таком виде.

В адвокатской комнате Ариэль дожидаются судья Нагаи и бутылка джина с десятью растительными компонентами.

– Если снова провернешь такой фокус в моем суде, я прикажу защитникам тебя зарезать, – говорит судья. Она притулилась на краю умывальника. Адвокатские комнаты маленькие и тесные.

– Но это будет явная халатность в отправлении правосудия, – говорит Ариэль и бросает охапку деловой одежды в депринтер. Загрузочная воронка проглатывает вещи, и ткань превращается в органическое исходное сырье. Бейжафлор, фамильяр Ариэль, уже выбрала для нее праздничный наряд: платье 1958 года от Баленсиаги, на лямках, асимметричного покроя, с черным цветочным узором на темно-сером фоне. – Неужели суд не сумеет защитить сторону договора, чьи интересы были нарушены?

– Ну почему ты не можешь просто заняться добычей гелия, как твои братья?..

– Они такие скучные ребята. – Ариэль целует судью в обе щеки. – У Лукаса отрицательное чувство юмора. – Она изучает джин: подарок клиента. – Печать по заказу. Как мило.

Чуть подталкивает бутылку к судье Нагаи. Та качает головой. Ариэль смешивает себе жгучий сухой мартини.

Риеко касается левым указательным пальцем точки между глаз: общепринятый жест, предлагающий поговорить без фамильяров. Ариэль, моргнув, отключает Бейжафлор – едва заметную колибри, переливчатое облако, постоянно меняющее оттенок, чтобы соответствовать наряду хозяйки. Фамильяр Риеко – чистый лист, постоянно складывающийся в новые фигурки-оригами, – исчезает.

– Я тебя не задержу, – произносит судья Нагаи. – Буду краткой: ты, возможно, не в курсе, что я член Павильона Белого Зайца.

– Как там люди говорят? Любой, кто назовется членом «Белого Зайца»...

– ...таковым не является, – заканчивает афоризм судья Нагаи. – Из каждого правила есть исключение.

Ариэль Корта с учтивым видом пьет свой мартини, но все ее чувства бдительно напряжены. Павильон Белого Зайца – собрание консультантов Орла Луны – обитает в пространстве между мифом и реальностью. Он существует, он не может существовать. Он прячется у всех на виду. Его члены подтверждают и отрицают свое членство. Ариэль Корта и без Бейжафлор знает, что ее пульс участился, дыхание ускорилося. Приходится как следует сосредоточиться, чтобы от возбуждения не расплескать мартини.

– Я член Павильона Белого Зайца, – говорит судья Нагаи. – И было им пять лет. Каждый год «Белый Заяц» меняет двух членов по принципу ротации. В этом году пришла моя очередь. Мне бы хотелось номинировать тебя на свое место.

Мышцы живота у Ариэль напрягаются. Ну почему место за круглым столом ей предложили сейчас, когда она стоит тут в нижнем белье?..

– Это честь для меня. Но вынуждена спросить...

– Потому что ты необычайно одаренная молодая женщина. Потому что «Белый Заяц» осведомлен о растущем влиянии на КРЛ кое-кого из Пяти Драконов и желает компенсировать это влияние.

– Маккензи.

Ни одна другая семья не проявляет столь неприкрытых политических амбиций. Эдриан Маккензи, старший сын директора Дункана, – око Джонатона Кайода, Орла Луны, председателя Корпорации по развитию Луны. Роберт Маккензи, патриарх клана, давно проводил кампанию за отмену КРЛ и полную лунную независимость, свободу от отеческого надзора Земли. «Луна принадлежит нам». Ариэль в курсе политических доводов и знает игроков, но всегда оставалась к ним безучастной. Лунное брачное право в большей степени, нежели другие разновидности права, представляет собой хаотическую территорию, на которой властвуют пылкая

преданность, шипящее негодование и бесконечные обиды. С политикой КРЛ все это образует гремучую смесь. Но заполучить место за столом Орла... Может, Ариэль и не нюхала лунной пыли, но она Корта, а семейство Корта создано, чтобы властвовать.

– Есть персоны, приближенные к власти, которые считают, что для Корта пришло время отказаться от своей изоляции и принять участие в управлении лунным обществом.

Ариэль оказалась к политике ближе, чем все другие члены семьи. Рафа, бу-хвэджан «Корта Элиу», наделен экономической властью: благодаря «Корта Элиу» по ночам на Земле горит свет; Адриана, основательница и матриарх компании, обладает моральным авторитетом. Но Корта не пользуются всеобщим обожанием среди старых кланов. Они – Пятый Дракон; их считают выскочками, разбогатевшими жуликами, ухмыляющимися убийцами, ковбоями-кариока. Все знают, что Корта всаживают нож с улыбкой. Больше они не будут кариока-ковбоями, гелиевыми отморозками. Это их приглашение в ряды власть имущих. Это признание семейства Корта в качестве благородного дома. Мамайн будет насмехаться – кому нужно одобрение этих дегенератов, этих мягкотелых паразитов? – но порадует за Ариэль. Та всегда знала, что она не любимый, не золотой ребенок, но если Адриана Корта сурова со своей дочерью, то лишь потому, что ожидает от нее большего, нежели от сыновей.

– Так ты согласна? – спрашивает судья Нагаи. – Мне бы весьма хотелось слезть с этого рукомоЙника.

– Разумеется, я согласна, – говорит Ариэль. – Разве я могла сказать что-то другое?

– Ты могла бы отнестись к этому осмотрительней, – замечает судья Нагаи.

– Почему? – Глаза Ариэль распахиваются от искреннего изумления. – Надо быть дурой, чтобы не принять такое предложение.

– У твоей семьи может быть другое мнение...

– Мнение моей семьи состоит в том, что я должна вернуться в Жуан-ди-Деус и покрыться пылью и потом в пов-скафе. Нет. – Она поднимает бокал мартини. – За меня. Ариэль Корта из «Белого Зайца».

Судья Нагаи проводит по лбу правым указательным пальцем. «Можем вернуться к миру, который записывается». Ариэль, моргнув, возвращает Бейжафлор к жизни. Снова появляется Око, фамильяр судьи. Нагаи уходит. Принтер издает мелодичный сигнал. Вечернее платье от Баленсиаги готово. Бейжафлор уже меняет цвет, чтобы соответствовать ему.

Маленькая Луна Корта одета в платье-баллон с рисунком из пионов. Платье белое, с собранным краем, с дерзким рисунком в виде алых цветов. От Пьера Кардена. Но Луне восемь лет, и элегантная одежда ее утомляет, так что девочка сбрасывает туфельки и мчится босиком сквозь заросли бамбука. Ее фамильяр – тоже Луна, желтовато-зеленая «сатурния луна» с большими синими глазами на крыльях. «„Сатурния луна“ водится в Северной Америке, а не в Южной, – сказала ей бабушка Адриана. – И тебе бы не стоило давать фамильяру собственное имя. Люди могут перепутать, с кем они разговаривают».

Откуда-то вырываются бабочки и кружатся над головой Луны. Синие-синие, точно фальшивое небо, и размером с ее ладонь. Детишки Асамоа принесли подарочную коробку и выпустили их. Луна восторженно хлопает в ладоши. В Боа-Виста ей не удастся поглядеть на животных: ее бабушка их до жути боится. Не пускает в свое имение никаких существ с шерстью, чешуйками или крыльями. Луна преследует вереницу бабочек, медленно машущих крыльями, бежит не чтобы поймать, но чтобы сделаться свободной и порхать, как они. Воздух вихрится, в зарослях бамбука рождается шепот, доносятся голоса, звуки музыки и запах еды. Мясо! Луна обхватывает себя руками. Это что-то особенное. Отвлечшись на запах мяса на гриле, она проталкивается через высокие колышущиеся стебли бамбука. Позади нее медленные водопады низвергаются между громадными каменными лицами ориша.

Три с половиной миллиарда лет назад магма вырвалась из живого сердца Луны и затопила бассейн Изобилия, медленно булькая в каньонах, вдоль прирусловых валов и в лавовых трубках. Потом сердце Луны умерло, потоки остыли, и полые лавовые трубки превратились в холодные, темные и тайные окостеневшие артерии. В 2050 году Адриана Корта спустилась сюда на веревке из входного туннеля, который ее селенологи пробурили в Море Изобилия. Ее фонарь высветил скрытый мир; нетронутая лавовая трубка сотню метров в ширину и высоту и два километра длиной. Пустая, нетронутая вселенная, похожая на драгоценную жеоду. «Вот это место, – объявила Адриана Корта. – Вот где я создам династию». За пять лет ее машины облагородили внутреннюю часть, вылепили лица богов умбанда размером с городские кварталы, установили водный цикл и заполнили пространство балконами и апартаментами, павильонами и галереями. Это Боа-Виста, дворец семейства Корты. Даже в такой праздничный день скалы дрожат от вибраций экскаваторов и спекателей, которые трудятся глубоко внутри стен, создавая комнаты и пространства для юной Луны и ее потомков.

Сегодня вечеринка в честь лунной гонки Лукасинью, и Боа-Виста открыл свое зеленое сердце обществу. Луна Корты лавирует среди аморов и мадриний, родственников и слуг, Асамоа и Сунь, Воронцовых и даже Маккензи, а также людей, не принадлежащих ни к одной из великих семей. Высокие представители третьего поколения и низенькие, плотные представители первого. Платья и костюмы, отвороты и нижние юбки, вечерние перчатки и разноцветные туфли. С дюжину цветов кожи и глаз. Богатство и красота. Друзья и враги. Луна Корты рождена для этого: для звука падающей воды и бормотания искусственного ветра в зарослях бамбука и ветвях. Она не знает другого мира. Да к тому же в этот особенный день подают мясо.

Под выступающей нижней губой Ошум установили электробарбекю. Повара насаживают мясо на вертела и крутят их. Жирный дым поднимается к небесной линии, которую сегодня запрограммировали на ясный синий день с кратковременной облачностью. Ясный день, как на Земле. Официанты разносят гостям большие блюда с мясом на шампурах. Луна пробирается между официанткой и своей целью.

– Ух ты, какое милое платье, – говорит официантка на очень плохом португальском. Она низенькая, ненамного выше Луны, и массивная. Слишком много двигается для такой гравитации. Джо Лунница, недавно с циклера. Ее фамильяр – дешевая оболочка из разворачивающихся тетраэдров.

– Спасибо, – говорит Луна, переходя на глобо, упрощенный английский, всеобщий язык. – Так и есть.

Женщина протягивает Луне поднос.

– Курятину или говядину?

Луна берет шампур с жирной, истекающей соком говядиной.

– Осторожнее, не посади пятно на свое красивое платье. – У официантки акцент норте.

– Ни за что на свете, – отвечает Луна с безмерной серьезностью.

Потом она вприпрыжку бежит по каменной тропе вдоль ручья, протекающего через сердце Боа-Виста, белыми зубками отрывая кусочки кровавой говядины. Вот и Лукасинью, одетый для вечеринки, с булавкой «Дона Луна» и коктейлем «Голубая луна»⁷ в руке. Его окружают друзья по лунной гонке. Луна узнает девушку из Асамоа и кое-кого из Суней. Сунь и Асамоа всегда были частью семьи. Легко узнать странного, бледного мальчишку-Воронцова. Он как вампир, думает Луна. А вон та девчонка, наверное, Маккензи. Вся как будто из золота.

⁷ *Голубая луна* (blue moon) – третье полнолуние в астрономическом сезоне, на который приходится четыре полнолуния вместо трех, либо второе полнолуние, приходящееся на один календарный месяц. На цвет Луны это астрономическое явление, как правило, не влияет. Также название коктейля отсылает к английскому выражению «once in a blue moon» («однажды во время голубой луны»), ближайший русский эквивалент которого – «после дождика в четверг».

– У тебя красивые веснушки, – объявляет Луна, бесцеремонно врываясь в круг друзей Лукасинью. Она смотрит девушке-Маккензи прямо в лицо. Они смеются над ее дерзостью, и девушка-Маккензи – громче всех.

– Луна, – говорит Лукасинью, – иди и ешь эту штуку где-нибудь в другом месте.

Он произносит это шутливым тоном, но Луну не обманешь. Он на нее злится. Она встала между ним и Абеной Асамоа. Наверное, ему нужен секс с Абеной. Он такой потребитель. У его ног строй перевернутых коктейльных бокалов. Потребитель, да еще и пьяница.

– Я просто так сказала. – Корта всегда говорит то, что думают. Луна вытирает рот тыльной стороной ладони. Мясо попробовала, теперь черед музыки – вот она, уже слышна. – У меня тоже веснушки! – Девчонка касается пальцем своих щек, доставшихся от Корта и Асамоа, и бежит дальше. Стрелой проносится по дорожке из камней, пересекающей реку, в поисках источника музыки. С плеском мчится по воде, взметая брызги, которые медленно опускаются. Гости вечеринки охают и вскрикивают, отстраняются от летящей воды, но на их лицах улыбки. Луна знает, что неотразима.

– Тиу Лукас!

Луна подбегает к нему и обнимает за ноги. Конечно, дядя Лукас должен был оказаться рядом с музыкой. Он разговаривает с иммигранткой, которая подала Луне мясо. Теперь у нее в руках поднос с синими коктейлями. Луна помешала дяде. Он лохматит ее темные вьющиеся волосы.

– Луна, беги дальше, корасан. Хорошо? – Он разворачивает ее легким прикосновением к плечу. Удаляясь, девочка слышит, как он говорит официантке: – Моему сыну больше не следует подавать алкоголь. Понятно? Я не допущу, чтобы он напился и повел себя нелепо перед всеми. Сам по себе пусть делает что захочет, но я не позволю ему опозорить семью. Если возле него за весь остаток вечера окажется еще хоть капля, я отправлю вас всех обратно в Байрру-Алту клянуть бывший в употреблении кислород и пить мочу друг друга. Ничего личного. Пожалуйста, донеси это до своего начальства.

Луна любит дядю Лукаса – то, как он разговаривает с нею на ее языке, его маленькие игры, его фокусы и шутки, которые они делят между собой, но бывают моменты, когда он делается высоким и далеким, уходит в другой мир, суровый, холодный и недобрый. Луна видит, как иммигрантка бледнеет от страха, и ей ужасно жаль эту женщину.

Ее хватают чьи-то руки, поднимают высоко, подбрасывают в воздух.

– Приветик, анзинью!

И ловят, когда она падает, точно перышко; ее платье с пионами поднимается, закрыв лицо. Рафа. Луна прижимается к отцу.

– Ну-ка, угадай, кто только что прибыл? Тиа Ариэль. Пойдем разыщем ее? – Рафа сжимает руку Луны, и девочка энергично кивает.

Ариэль Корта в своем убийственно шикарном платье из коллекции Баленсиага-1958 переходит со станции в большой сад Боа-Виста. В лунной гравитации слои ткани на юбке кажутся невесомыми, как цветочные лепестки. По толпе гостей проходит шепот. Ариэль Корта! Все уже знают про дело Альяум против Филмус. Луна вприпрыжку подбегает к своей тиа. Ариэль подхватывает племянницу на лету, кружит, и Луна вопит от восторга. Вот прибывает ее мадринья, Моника. Сердечные объятия, поцелуи. Аманда Сунь, жена Лукаса. Лусика Асамоа, мать Луны. Сам Рафа подхватывает сестру и поднимает так, что она умоляет его быть осторожнее с платьем. Его другая око, Рэйчел Маккензи, в Царице Южной с их сыном Робсоном. Она не появляется в Боа-Виста. Ариэль рада, что Рэйчел здесь нет. Между ними идет разбирательство, и Маккензи таят обиды. Следующий – сам юный лунный бегун. Лукасинью неловок, неуклюж со своей тиа, чего никогда не случается, когда он с друзьями. Пальцы Ариэль на мгновение задерживаются на его «Доне Луне», привлекая взгляд Лукасинью к точно

такому же значку на корсаже адвокатессы: «Вообрази меня голой, покрытой инеем, бегущей по обнаженной лунной поверхности».

Дальше верные семейные работники: Элен ди Брага, финансовый директор – она постарела с того раза, когда Ариэль Корта в последний раз бывала в Боа-Виста, – и старый честный Эйтур Перейра, глава службы безопасности. Последним появляется Лукас. Тепло целует сестру. Только ее, а не братьев он считает себе ровней. Шепотом просит переговорить наедине. Ариэль рукой в перчатке без усилий вылавливает «Голубую луну» на пронесенном мимо подносе.

– Ну и как Меридиан в этом сезоне? – спрашивает Лукас. – Никак не могу найти время, чтобы выбраться туда.

Ариэль знает: брат считает ее предательницей за то, что она выбрала право, а не «Корта Элиу».

– По всей видимости, я добилась известности. Недолгой.

– Я кое-что слышал об этом. Слухи и сплетни.

– Больше сплетен, чем кислорода, больше слухов, чем воды.

– Я также слышал, что делегация Китайской корпорации энергетических инвестиций прибывает на борт «Святых Петра и Павла». Сплетничают о пятилетней экспортной сделке с «Маккензи Металз».

– Я и сама слышала кое-что похожее.

– Еще говорят, что Орел Луны устраивает для них приветственную пирушку.

– Устраивает. И да, меня пригласили. – Ариэль знает, что информационная сеть ее брата достаточно мощная, чтобы он узнал о ее беседе с судьей Нагаи в комнате для адвокатов.

– Ты всегда хорошо разбиралась в общественной политике. Завидую этому умению.

– Что бы ни было у тебя на уме, Лукас, нет.

Лукас вскидывает руки: *mea culpa*.

– Я просто повторил несколько сплетен.

Ариэль мелодично смеется, но Лукас упрям, Лукас как сталь, Лукас поймал ее в ловушку. И тут является спаситель в облаке едкой лунной пыли.

Может, еще мяса. Может, выпить сока. Лукас загнал тиа Ариэль в угол. Дядя Лукас скучный, когда в разговоре так сильно приближает свое лицо к другому человеку. А потом Луна широко распахивает глаза, открывает рот и восторженно верещит.

Вдоль лощины широким шагом идет мужчина в пов-скафе. Шлем у него под правой мышкой, в левой руке – ранец с системой жизнеобеспечения. На ногах ботинки, а тугой как вторая кожа пов-скаф выглядит мозаикой логотипов и светоотражающих полосок, навигационных огней и гоночных значков. Его фамильяр проступает пиксель за пикселем, входя в сеть Боа-Виста. С вновь прибывшего сыплется пыль; он оставляет за собой медленно оседающий след серебристой черноты.

– Карлиньос!

Карлиньос Корта видит, как племянница бежит его обнять, и делает шаг назад, но она с шумом врзается в него, хватается за ноги, вздымает огромное облако пыли, которая, точно сажа, покрывает ее красивое платье с пионами.

На два шага отстав от Луны, появляется Рафа. Обменивается с младшим братишкой шутивыми тычками, соприкасается костяшками.

– Прибыл поверху?

Карлиньос в качестве доказательства протягивает свой шлем. В пестром пов-скафе, источающий пряный пороховой запах лунной пыли, он словно пират на коктейльной вечеринке. Он бросает свой ранец, хватается «Голубую луну» и осушает одним глотком.

– Вот что я тебе скажу: после двух часов на байке, когда пьешь собственную мочу...

Рафа качает головой, оценивая такое безрассудство.

– Она тебя убьет, эта тупая езда на байке. Может, не сегодня, может, не завтра, но однажды солнце вспыхнет, а ты окажешься на поверхности, на пыльном байке, в пяти часах езды от чего бы то ни было. И тогда поджарится. Твой. Кариокский. Зад. – Каждую короткую фразу он доводит до сведения тычком в плечо.

– А когда ты в последний раз был на поверхности? – Карлиньос дурашливо пинает брата в живот. – Что это я сейчас почувствовал? Брюшко. Ты потерял форму, ирман. Вспомни, какой подготовки требует поверхность. Ты переборщил с совещаниями. Мы добытчики гелия, а не какие-нибудь бухгалтеры.

Старший и младший мальчики Корта обожают спорт. Страсть Карлиньоса – пылевой байкинг. Он пионер этого экстремального увлечения. Он разработал байки, модифицировал скафы. Он рассекал по всем Дождливим Апеннинам и устроил гонку на выносливость через Море Спокойствия. Спорт Рафы спокойнее и предназначен для более закрытых пространств. Он владеет гандбольной командой из ЛГЛ. Они занимают высокое место в премьер-лиге. Рафа разделяет эту манию с шурином, Джейденом Вэнь Сунем, владельцем «Тигров Сунь». Они состязаются с юмором и свирепостью.

– Побудешь тут после вечеринки? – спрашивает Рафа.

– Я присудил самому себе увольнительную. – Карлиньос провел три месяца в Море Спокойствия, добывая гелий.

– Приходи на игру. Ты должен увидеть, что мы делаем.

– Проигрываете, как люди говорят, – отвечает Карлиньос. – Где же наш лунный бегун? Я слышал про парня Асамоа. Благое дело. Если Лукасинью когда-нибудь захочет поработать снаружи, я найду, куда его пристроить.

– В жизненные планы Лукаса это не входит.

В двух шагах от Карлиньоса – второй молодой человек в пов-скафе, темный в той же степени, в какой Карлиньос светел, с красивыми скулами и узкими глазами охотника.

– Вагнер, ирман, – говорит Рафа. Вторая волна ударов костяшками. Вагнер, самый младший брат, робко улыбается.

Луна липнет к ноге дяди Карлиньоса, вся перемазавшись в лунной пыли.

– Дайте-ка я на вас посмотрю! – объявляет Ариэль, прибывая со своей свитой. – Мои красивые мальчики! – Она изгибается, подставляя щеку для поцелуя, но не прикасается ни к Карлиньосу, ни к Вагнеру. На ее платье – никаких грязных пятен.

Лукас появляется с тактическим опозданием. Приветствует Карлиньоса вежливо, но без особого воодушевления. Поворачивается к Вагнеру.

– Люблю вечеринки. Все эти дальние родственники, с которыми не общаешься...

– Вагнер здесь в качестве моего гостя, – быстро говорит Карлиньос.

– Разумеется, – соглашается Лукас. – Мой дом – твой дом.

Между Вагнером и Лукасом возникает электрическая дуга неприкрытой ненависти, потом Карлиньос берет Вагнера за локоть и увлекает в толпу гостей.

– Луна, ступай-ка вместе с мадриньей Элис, – говорит Рафа.

– Давай хоть немного очистим тебя от грязи, – говорит мадринья Элис. Она паулистана, на голову ниже поколений, рожденных на Луне. Из земных женщин получают сильные суррогатные матери. Корта никому, кроме бразильянок, не позволяют вынашивать своих детей. Элис берет испачкавшуюся в саже маленькую Луну за руку и уводит от взрослых разговоров поглядеть на музыкантов.

– Лукас, не здесь, – негромко говорит Рафа.

– Он не Корта, – просто заявляет Лукас.

Тыльной стороны ладони Лукаса касается чья-то рука. Рядом с ним Аманда Сунь.

– Даже для тебя это было грубо, – с упреком говорит она. Аманда Сунь из третьего поколения; по-лунному высокая, выше своего мужа. Ее фамильяр – темно-красная «чжень», Змея. Сунь традиционно облачают фамильяров в гексаграммы из «Книги Перемен».

– Почему? Это же правда, – говорит Лукас.

Общество удивилось, когда Аманда Сунь переехала из Дворца Вечного Света в еще не достроенный Боа-Виста. В никахе это не оговаривалось. Брак был в значительной степени династическим. Сдержки, противовесы, оговорки об аннулировании – все на месте. Однако Аманда Сунь явилась в Боа-Виста и прожила там семнадцать лет. Она кажется такой же его частью, как тихие ориша или бегущая вода. Общество – та его часть, которой по-прежнему не все равно, – думает, что Аманда затеяла долгосрочную игру. Сунь были среди первых поселенцев; вместе с Маккензи они считают себя старой гвардией, истинной лунной аристократией. Больше полувека они сражались с гегемонией Народной Республики, которая была не прочь использовать Дом Сунь в качестве плацдарма для захвата власти на Луне. Всем известно, что Сунь не женятся на ком попало.

Последние пять лет Лукас Корта живет в своей квартире в Жуан-ди-Деусе.

Музыка – мягкий босаджаз – останавливается. Бокалы замирают на пути к губам. Разговоры угасают; слова испаряются; поцелуи прерываются. Все как зачарованные глядят на маленькую женщину, которая появилась из двери между огромными, безмятежными лицами ориша.

Прибыла Адриана Корта.

– Разве тебя не станут искать?

Лукасиною взял Абену Маану Асамоа за руку и повел прочь от оживленных троп, по коридорам, озаренным бликами света из других помещений – строительным ботам требовался свет, – по свежевырубленным залам и комнатам, где еще слышен гул машин-копателей.

– Они будут целую вечность целовать друг другу руки и толкать речи. У нас предостаточно времени. – Лукасиною тянет Абену к себе. Жаркие лампы смягчают постоянный подповерхностный холод в минус двадцать, но воздух достаточно прохладен, чтобы дыхание повисало облачками и Абена дрожала в своем вечернем наряде. У Луны холодное сердце. – Ну так что это за особенная вещь, которую ты хочешь мне дать? – Лукасиною ведет рукой вдоль бока Абены, останавливается на ее бедре. Она со смехом отталкивает его.

– Коджо прав, ты плохой мальчик.

– Плохой – это хорошо. Нет, серьезно. Да ладно тебе, мы же лунные бегуны. – Его другая рука гладит «Госпожу Луну» Абены, движется, точно паук, вверх, к обнаженной части ее груди. – Мы живы. Прямо сейчас мы живее кого бы то ни было на этом куске скалы.

– Лукасиною, нет.

– Я спас твоего брата. Я мог умереть. Я почти умер. Я был в гипербарической камере. Меня ввели в кому. Я вернулся и спас Коджо. Я не был обязан так поступать. Мы все знали, чем рискуем.

– Лукасиною, если будешь так продолжать, все испортишь.

Он поднимает руки: сдаюсь.

– Ну так в чем дело?

Абена раскрывает правую ладонь. Там серебро: мерцающий металлический «зуб». Потом она резко поднимает руку к левому уху Лукасиною. Он вскрикивает, прижимает ладонь туда, где неожиданно вспыхнула боль. На пальцах кровь.

– Что ты натворила? Цзиньци, что она натворила?

«Мы за пределами зоны покрытия камер Боа-Виста, – говорит Цзиньци. – Я не вижу».

– Я дала тебе кое-что, чтобы ты запомнил Коджо. – Может, дело в красном отсвете жарких ламп, но Лукасиною видит в глазах Абены сияние, какого никогда не знал. Он не понимает, кто

она такая. – Знаешь, что о тебе говорят? Что ты делаешь новый пирсинг после каждого разрыва отношений. Что ж, со мной все иначе. То, что я воткнула в твое ухо, означает сотворение новых отношений. Это обещание. Когда тебе понадобится помощь Асамоа – на самом деле понадобится, когда не будет другой надежды, когда ты окажешься в одиночестве, обнаженный и беззащитный, как мой брат, пришли мне эту вещь. Я буду помнить.

– Больно! – ноет Лукасинью.

– Значит, ты не забудешь, – говорит Абена.

И медленно, очень изящно слизывает с указательного пальца пятно крови Лукасинью.

* * *

Среди своих высоких детей и еще более высоких внуков Адриана Корта хрупка и элегантна, как птица. В лунной гравитации груз возраста легок; кожа у нее ровная и без морщин, тело не выглядит согбенным в семьдесят девять лет. Она держится с достоинством дебютантки. Она по-прежнему глава «Корта Элиу», хотя вот уже много месяцев ее никто не встречал за пределами Боа-Виста. Да и многим обитателям Боа-Виста редко случается ее увидеть. Но она все еще способна устроить шоу для семьи. Адриана приветствует детей. Три поцелуя для Рафаэля и Ариэль. Два для Лукаса и Карлиньоса, один для Вагнера. Луна вырывается из рук мадриньи Элис и бежит к своей вдове Адриане. Кто-то ахает – на платье Адрианы от Сил Чапман останутся пятна. Адриана не носит булавку с «Госпожой Луной». За годы разведки и бурения она так наглоталась вакуума, что всем лунным бегунам Боа-Виста вместе взятым и не снилось.

Лукас пристраивается за плечом матери, пока она принимает очередь внуков, мадриний, око и гостей. У нее для каждого найдется словечко. Особое внимание уделяется Аманде Сунь и Лусике Асамоа, кеджи-око Рафы.

– А где же Лукасинью? – говорит Адриана Корта. – Нам нужен наш герой.

Лукас понимает, что его сын отсутствует. Он сдерживает гнев.

– Я его найду, мама. – Токинью пытается вызвать мальчишку, но тот вне сети. Адриана Корта неодобрительно цокает языком. Протокол не будет выполнен как следует, пока она не поздравит того, в чью честь устроена вечеринка. Лукас спускается к группе музыкантов; маленький ансамбль из гитары, пианино, контрабаса, тихих шаркающих барабанов. – Вы знаете «Águas de Março»⁸?

– Конечно. – Это стандарт, это классика.

– Играйте сентиментально. Это любимая вещь моей мамы.

Гитарист и пианистка кивают друг другу, отсчитывают слабую долю. «Мартовские воды»: старая и милая песня, которую Адриана Корта пела своим детям, когда мадриньи приносили их и сажали ей на колени, пела, склоняясь над их кроватками. Это осенняя песня с расплывчатыми образами дождя, веточек и маленьких живых существ, песня о частице вселенной в том, что умещается в ладони, одновременно радостная и пронизанная саудади. Мужской и женский голоса поют, чередуясь; подхватывают песню по сигналу друг друга; живые и игривые. Лукас слушает внимательно, страстно. Дышит неглубоко, напрягшись всем телом. Слезы появляются в складках его век. Музыка всегда оказывала на него мощное влияние, в особенности старая бразильская музыка. Босанова, МВР. Функциональная музыка; обыденность MOR⁹. Мя-а-а-

⁸ «Águas de Março» («Мартовские воды») – известнейшая бразильская песня, написанная в 1972 году; один из стандартов (общепризнанных образцов стиля) босанова.

⁹ MBP, *Música brasileira popular* – «Популярная бразильская музыка», современный музыкальный тренд, подразумевающий переработку традиционных бразильских стилей с заимствованием элементов джаза и рок-музыки; *функциональная музыка* – стиль, предназначенный для использования в торговых центрах и т. д. с целью воздействия на покупателей; MOR, *Middle of the road music* – коммерческий формат радиовещания, включающий в основном очень мелодичную, приятную и достаточно медленную музыку.

агкий трусливый джаз. У тех, кто такое заявляет, нет ушей; не слушайте. Они не чувствуют саудади, сладкую печаль мимолетности вещей, благодаря которой всякая радость ощущается острее. Они не слышат приглушенное отчаяние, предчувствие того, что за завесой красоты и томления случилось нечто ужасно, ужасно неправильное.

Лукас бросает взгляд на мать. Она кивает в такт колышущемуся ритму, закрыв глаза. Он отвлек ее от блудного Лукасињу. Разберется с ним позже, сам.

На первом плане в песне два голоса, играющие в капоэйру из-за одних и тех же слов, перебивающие друг друга; кувыркающиеся и уклоняющиеся. Гитарист и пианистка очень хороши. Лукас раньше не слышал этих исполнителей, но доволен, что ему довелось их послушать. Песня заканчивается. Лукас сглатывает эмоции. Он аплодирует громко и звонко.

– Bravo! – кричит он. Адриана присоединяется; потом Рафа, Ариэль, Карлиньос, Вагнер. По толпе гостей расходятся волны аплодисментов. – Bravo!

Снова несут напитки, досадный момент забыт, праздник продолжается. Лукас подходит к гитаристу, чтобы обменяться парой слов.

– Спасибо. Вы знаете толк в босе, сэр. Моей мамайн понравилось. Я бы хотел, чтоб вы пришли и сыграли для меня, в моей собственной квартире в Жуан-ди-Деусе.

– Это для нас честь, мистер Корта.

– Не «вы». Только вы один. Вскоре. Как вас зовут?

– Жоржи. Жоржи Нардис.

Фамильяры обмениваются контактными данными. А потом официантка, норте Джо Лунница с подносом коктейлей, внезапно кидается на Рафу Корту.

* * *

Ей нравится грубая текстура струпа на ухе Лукасињу. Она с наслаждением тащит его, открывая затянувшуюся рану так, что выступает немного свежей крови. От этого Абена в своем вечернем платье от Хелены Барбер делается влажной. Теперь, когда они вернулись в сеть Боа-Виста, Цзиньци показывает Лукасињу ее подарок – хромированный клык, изгибающийся сквозь верхнюю часть его правого уха. Выглядит хорошо. Выглядит пикантно. Но она не позволяет ему даже обнять себя рукой за талию.

Не успев дойти до окна, оба понимают: что-то пошло не так. Ни музыки, ни болтовни, ни плеска тел в пруду у водопада. Кто-то кричит, кто-то отдает резкие приказы на португальском и глобо. Зрачок каменного глаза Шанго обзрывает сады Боа-Виста по всей длине. Лукасињу видит, как эскольты, телохранители семьи Корта, выпроваживают группы гостей. Музыканты и официанты держат руки за головой. Охранные дроны сканируют обработанные строительными машинами стены; их лазеры на миг задерживаются на Лукасињу и Абене.

– Что произошло? – спрашивает Лукасињу. Цзиньци отвечает в тот же момент, когда на лице Абены отражается шок:

«Совершено покушение на жизнь Рафаэла Корты».

Лезвие ножа прижато к горлу Марины Кальцаге. Если она шевельнется, если заговорит, если сделает слишком глубокий вдох, оно рассекает ее плоть. В безумной остроте лезвия есть нечто анестетическое: Марина и не почувствует, как оно режет трахею. Но она должна двигаться, она должна говорить, если хочет жить.

Ее пальцы постукивают по ножке перевернутого коктейльного бокала на подносе.

– Муха, – шипит она.

Мухи так себя не ведут. Марина знает мух. Она работала мушиным ловцом. На Луне насекомые – опылители, декоративные бабочки вроде тех, что порхают по Боа-Виста, выпущенные детишками Асамоа, – лицензированы. Мухи, осы, дикие жуки угрожают сложным

системам лунных городов и подлежат уничтожению. Марина Кальцаге убила миллион мух и знает, что они не летают так, прямой наводкой к незащитной мягкой коже в углу челюсти Рафы Корты. Она поймала муху в считанных миллиметрах от цели и прижала пустой бокал для мартини к подносу. Коктейльная тюрьма. И в тот же миг нож, с шуршанием выскользнувший из спрятанного магнитного чехла, оказался у ее горла. На другом конце ножа – эскольта семьи Корты в элегантном костюме с безупречно сложенным квадратиком-платочком в нагрудном кармане. Все равно вылитый головорез. Все равно воплощенная смерть.

Эйтур Перейра чопорно приседает, чтобы изучить существо в бокале. По меркам первого поколения, он большой мужчина, массивного телосложения. Крупный бывший морпех, плящущийся в перевернутый коктейльный бокал, выглядел бы комично, если не принимать во внимание ножи.

– Жучок-убийца, – заключает Эйтур Перейра. – АКА.

В один миг лезвия кольцом окружают Лусику Асамоа. Их острия в миллиметре от ее кожи. Луна вопит и всхлипывает, вцепившись в мать. Рафаэл бросается на охранников. Мужчины в костюмах наваливаются на него, обездвиживают.

– Ради вашей же безопасности, сеньор, – говорит Эйтур Перейра. – Она может прятать боевые биологические средства.

– Это дрон, – шепчет Марина Кальцаге. – Он чипированный.

Эйтур Перейра глядит внимательней. Муха бьется о стенку бокала, но в мгновения неподвижности ясно виден золотой рисунок на крыльях и панцире.

– Отпустите ее. – Адриана Корты говорит тихо, но командный тон вынуждает всех телохранителей, мужчин и женщин, вздрогнуть.

Эйтур Перейра кивает. Ножи прячутся в ножны. Лусика подхватывает на руки воющую Луну.

– И ее, – приказывает Адриана.

Марина судорожно втягивает воздух, когда нож убирают от горла, и понимает, что не дышала с того момента, как охранник схватил ее. Она начинает трястись.

Лукас кричит:

– Лукасинью? Где Лукасинью?

– Заберу-ка я это. – Эйтур Перейра кладет руку поверх бокала. Достает импульсный пистолет из маленькой кобуры. Устройство размером с его большой палец – дурацкое, наивное оружие в такой огромной руке. – Отключите своих фамильяров. – По всему Боа-Виста фамильяры исчезают, моргнув. Марина выключает Хетти. Этот наивный пистолетик обладает достаточной мощностью, чтобы вырубить всю сеть Боа-Виста. Они ничего не видят и не слышат, но маленькая высокотехнологичная муха перестает двигаться и умирает.

Лукас Корты наклоняется ближе к главе службы безопасности и шепчет ему.

– Они пытались убить моего брата. Они пробрались в Боа-Виста, в наш дом, и они пытались убить моего брата.

– Ситуация под контролем, сеньор Корты.

– Ситуация такова, что убийца оказался на расстоянии стенки коктейльного бокала от Рафы. На виду у гостей из всех Пяти Драконов. На виду у нашей матери. Что-то не похоже на «ситуацию под контролем», верно?

– Мы проанализируем оружие. Мы узнаем, кто за ним стоит.

– Ну так вот, этого недостаточно. Новая атака может случиться в любой момент. Я хочу, чтобы здесь обеспечили безопасность. Вечеринка окончена.

– Сеньоры, произошел инцидент в системе защиты, – объявляет Эйтур Перейра. – Мы должны обезопасить Боа-Виста. Вынужден попросить вас уйти. Будьте любезны, отправляйтесь к трамвайной станции. Теперь можете спокойно запустить своих фамильяров.

– Найдите моего сына! – приказывает Лукас Эйтору Перейре. Друзья Лукасинью бестолково суетятся, потерянные и задвинутые на второй план. Их лунная гонка и то, как Лукасинью спас Коджо Асамоа, заслонены произошедшим. Охрана Боа-Виста выпроваживает гостей из садов на станцию. Телохранитель сопровождает главных Корта в глубь их владений. Лукас Корта рассматривает Марину Кальцаге, в его взгляде лед и железо. Она дрожит от потрясения.

– Как твое имя?

– Марина Кальцаге.

– Работаешь на компанию по ресторанному обслуживанию?

– Я берусь за любую работу. Я инженер... я была инженером по системам управления.

– Теперь ты работаешь на «Корта Элиу».

Лукас протягивает руку. Марина ее берет.

– Поговори с моим братом Карлиньосом. Семейство Корта перед тобой в долгу.

И он уходит. Все еще оцепенев от шока, Марина старается разобраться в случившемся. Корта пытаются перерезать ей глотку – и вот она на них работает. Как же... Корта! Блейк, все будет в порядке. Я достану тебе лекарства. Мы навсегда забудем о жажде. Мы сможем дышать спокойно.

Два

Луна Корта – маленькая шпионка. В Боа-Виста полным-полно мест, где может спрятаться заскучавшая девочка. Луна обнаружила служебный туннель, преследуя бота-уборщика как-то раз долгим утром в Боа-Виста. Как всех лунных детей, ее тянет в туннели и технические лазы. Ни один взрослый здесь не поместится, вот и славно – места для прятков должны быть в секрете от всех. Лаз сделался тесноватым с той поры, как Луна впервые пробралась в него и поняла, что может заглядывать в личную комнату матери и, если затаит дыхание, подслушивать. Луна ерзает, устраиваясь в пространстве позади глаз Ошоши, охотника и защитника, словно узелок в пазухе его носа.

– Они приставили нож к моему горлу.

Ее отец что-то говорит, она не может расслышать. Извивается, чтобы придвинуться ближе к вентиляционной решетке. Вверх, вокруг ее лица, бьют пыльные лучи света.

– Они приставили нож к моему горлу, Рафа!

Луна видит, как мать касается шеи пальцами, трогает лезвие ножа в своих воспоминаниях.

– Это всего лишь меры безопасности.

– Они бы меня убили?

Луна снова передвигается так, чтобы в узкой смотровой щели появились оба ее родителя. Отец сидит на кровати. Он выглядит маленьким, съезженным, как сдувшийся и поблекший аэростат.

– Они нас защищали. Любой, кто не Корта, оказался под подозрением.

– Аманда Сунь – не Корта. Я не видела ножа у ее горла.

– Муха. Все знают, что ваши люди используют биологическое оружие.

– «Ваши люди».

– Те, кто связаны с Асамоа.

– На вечеринке были и другие Асамоа. Абена Маану, например. Я не видела, чтобы к ее горлу приставили нож. Ты имел в виду всех моих людей или только некоторых?

– Зачем ты это делаешь?

– Потому что твои люди, Рафа, приставили нож к моему горлу. И я не слышу от тебя ничего, что свидетельствовало бы о том, что они бы меня не зарезали.

– Я бы никогда не позволил им это сделать.

– Если бы твоя мать отдала приказ, ты бы их остановил?

– Я бу-хвэджан «Корта Элиу».

– Не оскорбляй меня, Рафа.

– Я сержусь из-за того, что наша охрана приставила нож к твоему горлу. Я сержусь из-за того, что ты оказалась под подозрением. Я в ярости, но ты же знаешь, как мы тут живем.

– Да. Что ж, возможно, я не хочу здесь жить.

Луна видит, как Рафа скидывает глаза.

– Я знаю, как мы живем в Тве. Это хорошее место, Тве. Это безопасное место. Там *мои люди*, Рафа. Я хочу отвезти туда Луну.

Луна ахает. Лаз такой тесный, что она не может прижать ладони ко рту в попытке заглушить звук. Они могли услышать. Хотя... В Боа-Виста и так полным-полно охов и шепотов.

Рафа вскакивает. Когда он сердится, то подходит близко, на расстояние вдоха. На расстоянии плевка в лицо. Лусика Асамоа не отступает.

– Ты не заберешь Луну.

– Здесь она не в безопасности.

– Мои дети остаются со мной.

– Твои дети?

– Ты разве не читала никакх? Или тебе слишком не терпелось прыгнуть в постель к наиболее вероятному наследнику «Корта Элиу»?

– Рафа. Нет. Не говори этого. Не опускайся до такого. Это на тебя не похоже.

Гнев Рафы теперь разгорелся. Гнев – его грех. Другая сторона его приветливости: он легко смеется, забавляется, занимается любовью. Легко приходит в ярость.

– Знаешь что? Возможно, твои люди планировали...

– Рафа. Прекрати. – Лусика прижимает пальцы к губам Рафы. Она знает, что приливы и отливы его ярости одинаково быстры. – Я бы никогда, ни за что не стала интриговать против тебя – ни я, ни *мои люди* – ради того, чтобы заполнить нашу дочь.

– Луна остается со мной.

– Да. Но я – нет.

– Я не хочу, чтобы ты уходила. Это твой дом. Со мной. С Луной.

– Здесь небезопасно для меня. Для Луны здесь небезопасно. Однако никакх не позволит мне ее забрать. Если бы ты хоть раз попросил прощения за то, что ваши эскольты приставили нож к моему горлу, все могло быть иначе. Ты рассердился. Ты не извинился.

Теперь ее отец говорит, но Луна не слышит его слов. Она ничего не слышит, кроме шума внутри головы – это звук, с которым наступает худшая из всех вещей в мире. Ее мамайн уходит. Что-то сжимается в груди. Голова кружится от ужасного свиста, как будто воздух и жизнь утекают прочь. Луна выбирается из закутка в голове Ошоси, ползет прочь от потайного местечка, в котором подслушала слишком многое. Она исцарапала туфельки и порвала свое платье от Пьера Кардена о грубый камень.

После дождя мертвые бабочки превратились в мусор на поверхности воды. По краям водоемов их крылья образуют лазурную пену. Луна Корта сидит среди трупов.

– Эй-эй-эй, что случилось? – Лусика Асамоа приседает возле дочери.

– Бабочки умерли.

– Они живут недолго. Всего день.

– Они мне нравились. Они были милые. Это несправедливо.

– Мы такими их создаем.

Лусика скидывает туфли и садится на камень рядом с Луной. Болтает ступнями в воде. Синие крылья прилипают к ее темным ногам.

– Вы могли бы сделать так, чтобы они жили дольше одного дня, – говорит Луна.

– Могли бы, но что тогда они будут есть? Куда полетят? Они украшения, как флаги на Фестивале Ямса.

– Но это не так, – говорит Луна. – Они живые.

– Луна, что случилось с твоими туфельками? – спрашивает Лусика. – И твоим платьем.

Луна глядит на плавучие острова из бабочек, медленно дрейфующие вниз по течению.

– Ты уходишь.

– С чего ты взяла?

– Я слышала, как ты об этом сказала.

Ни один вопрос, который могла бы задать Лусика, здесь не пригоден.

– Да. Я отправляюсь обратно в Тве, возвращаюсь к моей семье. Но лишь на некоторое время. Не навсегда.

– Как надолго?

– Не знаю, любовь моя. Не дольше, чем придется.

– Но я с тобой не поеду.

– Нет. Я бы этого хотела, больше чего бы то ни было – больше, чем уехать самой, – но не могу.

– Я в безопасности, мама?

Лусика прижимает Луну к себе, целует в макушку.

– Ты в безопасности. Папа позаботится о твоей безопасности. Он оторвет голову любому, кто попытается тебя обидеть. Но мне нужно уйти, пока все не прояснится. Я не хочу, и я буду сильно по тебе скучать. Папа за тобой присмотрит, и мадринья Элис. Элис не позволит, чтобы кто-то причинил тебе боль.

Слова обжигают Лусике Асамоа глотку. Мадриньи, суррогатные матери. Наемные утробы, которые становятся нянями, становятся неофициальными тетками, становятся семьей. Лусика еще могла бы понять такое в те времена, когда корпорация семьи Корты была маленькой, когда им требовалось строить бизнес, не тратя время на беременность, роды и уход за детишками. Но зачем понадобилось навязывать это следующим поколениям, превращать сборище сдержанных, вездесущих мадриньи в традицию? Она негодовала из-за того, что Луну выносила и родила высокая, скуластая бразильянка Элис. Она была потрясена, когда Рафа заявил, что суррогатное материнство не подлежит обсуждению: так принято в семействе Корты. Вложи в меня, высади во мне, позволь вырастить и выносить, выпустить в мир. Мне не нужно, чтобы какие-то там Мадонны Зачатия смешивали твою сперму с моими яйцеклетками и говорили: да будет жизнь! Не хочу я смотреть, как ваши гиноботы плавно вживляют эмбрион в льстивую, улыбчивую Элис, и наблюдать за тем, как с каждым днем она становится больше, полнее. Не нужно мне просматривать отчеты, результаты сканирования ее матки, ежедневные сообщения о том, как протекает ее беременность. И мне не нужно было запирается в своей комнате, воя и разбивая вещи, пока Элис делали кесарево. Все это должно было случиться со мной, Луна. Они должны были принести тебя ко мне. Мое улыбающееся, усталое, залитое слезами лицо должно было стать первым, что ты увидела. Лицо Асамоа. Я полна жизни, соки ее текут во мне, струятся, приливают. Я здорова, фертильна, все во мне работает естественным образом, безупречно, готово плодоносить. Но у Корты так не принято.

Я тебя люблю, Луна, но не могу полюбить то, что принято в семействе Корты.

Лусика заключает Луну в объятия, качает, утешая саму себя в той же степени, что и дочь. Одна муха-убийца расколола ее мир. Это не сад богов, не дворец вод. Это туннель в скале. Каждый полный света аграрий ее семьи, каждый город, фабрика и поселение – пустычок, хрупкий бивак из камней под безвоздушным небом, в лучах смертоносного солнца. Им всем каждую секунду угрожает опасность. И спасения нет, даже спрятаться негде.

– Твой папа, контракт и все прочие могут твердить, что ты Корты, но ты – Асамоа. Ты Асамоа, потому что я Асамоа, и мать моя Асамоа. Вот как у нас принято.

Лукас Корты проводит рукой по совещательному столу и разбрасывает виртуальные документы.

– У меня нет на это времени. Откуда она появилась? Кто ее сделал?

Эйтур Перейра опускает глаза. Он на голову ниже и на десять лет седее любого за этим столом, не считая Адрианы Корты и ее финансового директора, Элен ди Браги, темной воли «Корты Элиу».

– Мы все еще анализируем...

– У нас лучшее научно-исследовательское подразделение на Луне, и вы не можете мне сказать, кто это сделал?

– Кто-то пошел на поразительные ухищрения, чтобы спрятать все, что могло бы идентифицировать дрона. Чипы стандартные, и по узору печати у нас данных нет.

– Выходит, вы не знаете.

– Пока что не знаем. – Все за столом слышат, что голос Эйтура Перейры подрагивает.

– Вы не знаете, кто сделал эту «муху», вы не знаете, кто ее подослал, вы не знаете, как она прошла сквозь системы безопасности. Вы не знаете, не летит ли прямо сейчас еще одна

такая штукавина к моему брату, ко мне или, не дай бог, к моей матери. Вы глава службы безопасности – и не знаете?

Лукас смотрит не мигая. Лицо Эйтура Перейры дергается.

– Мы в режиме тотальной безопасности. Отслеживаем все, превышающее размером частичку кожи.

– А если они уже здесь? Этого дрона могли разместить тут много месяцев назад. Вы об этом подумали? Может, сейчас просыпается еще дюжина таких же. Сотня. Им хватит одной удачной попытки. Я знаю, как действуют современные яды. Они заставляют ждать. Ждать часами, испытывая боль и чувствуя, что каждый вдох короче предыдущего, зная, что противоядия нет, понимая, что умрешь. Ты проводишь много времени лицом к лицу со смертью. И лишь потом тебе позволяют умереть. И я знаю, что кто-то пытался использовать один из этих ядов против моего брата. Вот что я знаю. Теперь скажите мне, что знаете вы?

– Лукас, достаточно. – Адриана Корта сидит во главе стола. Много месяцев ее кресло пустовало, она присутствовала лишь в виде большого и несуразного портрета в пов-скафе – Мадонны Гелиевой, обозревающей зал заседаний. Внезапная смертельная угроза детям вынудила Адриану вновь воспользоваться всей полнотой власти и вернуться сюда. Рафа сидит справа от матери, Ариэль – слева. Лукас занимает место справа от старшего брата.

– Мамайн, если твой глава службы безопасности не может обеспечить наш покой, то кто сможет?

– Эйтур был верным работником нашей семьи еще до вашего рождения. – Так язвить может только человек, наделенный высшей властью.

– Да, майн. – Лукас опускает голову, покоряясь матери.

– Разве это не очевидно? – Рафа прерывает насмешливое молчание.

– Очевидно? – переспрашивает Ариэль.

– Разве это дело не тех же рук, что всегда? – Рафа низко наклоняется к столу. Гнев как будто окутывает его облаком дыма. – Боб Маккензи так и не простил мамайн. Он медленный яд. Не сегодня, не завтра; не в этом году и даже не в этом десятилетии, но однажды, когда-нибудь... Маккензи расплачиваются втрое. Они бьют по наследию. Они хотят, чтобы ты увидела, как все построенное тобой развалится, мамайн.

– Рафа... – начинает Ариэль.

– Кира Маккензи, – перебивает Рафа. – Она была на вечеринке. Кто-то ее обыскал или ей просто махнули рукой и велели проходить, потому что она из числа друзей Лукасинью?

– Рафа, по-твоему, Маккензи рискнули бы ввязаться в полномасштабную войну? – говорит Ариэль. Как следует затягивается своим вейпером. – Серьезно?

– Если они решили, что могут развалить нашу монополию, то возможно, – замечает Лукас.

– Все начинается по новой, разве вы не видите? – спрашивает Рафа.

Восемь лет назад между «Корта Элиу» и «Маккензи Металз» случилась короткая война за территорию. Экстракторы превращались в клубки искореженного металла, поезда подвергались грабежу и теряли грузы, боты и ИИ оказывались жертвами бомбардировавшего их темного кода. Пылевика сражались врукопашную, на ножах, в туннелях Маскелайна и Янсена и на поверхности, посреди каменных просторов Морей Спокойствия и Ясности. Сто двадцать убитых, ущерб на миллионы битси. В конце концов Корта и Маккензи согласились на арбитражное разбирательство. Суд Клавия присудил победу «Корта Элиу». Спустя два месяца Эдриан Маккензи вступил в брак с Джонатоном Кайодом, Орлом Луны, президентом Корпорации по развитию Луны, которой принадлежал земной спутник.

– Рафа, хватит, – говорит Адриана Корта. Ее голос слаб, ее власть неоспорима. – Мы сражаемся с Маккензи посредством бизнеса, мы победим их посредством бизнеса. Мы делаем

деньги. – Адриана встает из-за стола; осанка у нее чопорная, но в лице и в движениях чувствуется усталость. Дети и слуги кланяются и провожают ее из зала заседаний.

Карлиньос встает, поджимает пальцы правой руки и кланяется матери. Он не сказал ни слова за время этого совещания. Он предпочитает помалкивать. Его место – в поле, с экстракторами, спецами по переработке гелия и пыльниками. Он и сам пыльник, а еще боец. Рафа может затмить его своим обаянием, Лукас – исколошматить аргументами, Ариэль – связать красноречием по рукам и ногам, но ни один из них не может ступать по пыли так, как это делает он.

Лукас на секунду задерживает Эйтура Перейру.

– Ты совершил ошибку, – шепчет Лукас. – Ты слишком старый. Ты свое отработал, и ты уйдешь.

В вестибюле возле зала совещаний ждет Вагнер Корта. Адриана и ее слуги проходят, не удостоив его и взглядом, следом идут Лукас и Ариэль. Ариэль кивает, натянуто улыбается. Карлиньос хлопает брата по спине.

– Эй, братишка.

Отсутствие Вагнера за совещательным столом нельзя не заметить.

– Мне надо переговорить с Рафой, – сообщает Вагнер.

– Конечно. Подкинуть тебя на байке до Жуана?

– У меня другие планы.

– Увидимся позже, Лобинью.

– О чем ты хочешь поговорить? – спрашивает Рафа. Он сидит на правом нижнем веке Ошалы. Позади него медленно течет водопад.

– О мухе. Я хочу на нее посмотреть.

Рафа позаботился о том, чтобы Вагнер получил от Эйтура Перейры схемы. Рафа всегда заботится о том, чтобы Вагнер получал все данные после каждого заседания правления «Корта Элиу».

– Тебе прислали все.

– Уважаю Эйтура и даже твой научно-исследовательский отдел, но есть вещи, которые могу увидеть я, но не он.

Рафа знает, что жизнь Вагнера сложна и протекает среди теней на границе пространства, занимаемого семьей, и что его содействие «Корта Элиу» весомо, но с трудом поддается измерению – и все же он выдающийся конструктор маленьких и замысловатых вещей. Иногда Рафа завидует двум его натурам: темной точности, светлой творческой жилке.

– Например?

– Пойму, когда увижу. Сперва мне надо на нее поглядеть.

– Я сообщу Эйтуру. – Сократ, фамильяр Рафы, уже послал уведомление. – Я сказал ему не говорить ничего Адриане.

– Спасибо.

Вагнер был тенью в этой семье так долго, что братья и сестра выработали альтернативную социальную гравитацию: они информируют его, включают его, но в то же время сохраняют невидимым, как черная дыра.

– Когда мы тебя увидим, миуду? – спрашивает Рафа. Адриана оборачивается, ждет его.

– Когда мне будет что сказать, – отвечает Вагнер. – Ты меня знаешь. Живи и дыши, Рафа.

– Живи и дыши, Маленький Волк.

– Ариэль. – Лукас зовет сестру с верхних ступеней Ошалы. Ариэль оборачивается. – Уже уходишь?

– У меня дела в Меридиане.

– Да, прием в честь китайской торговой делегации. Я бы не стал просить тебя пропустить такое.

– Я тебе все ясно сказала во время вечеринки.

– Это же семья.

– Ох, да ладно тебе, Лукас.

Лукас растерянно хмурится, и Ариэль видит, что он не понимает, о чем она говорит. Он безоговорочно верит, что каждый его поступок – ради семьи, во имя одной лишь семьи.

– Если бы мы поменялись местами, я бы это сделал. Без колебаний.

– Для тебя все проще, Лукас. Люди интересуются моей карьерой. Моя шкура должна быть воздухопроницаемой. Я обязана быть чистой.

– На Луне нет чистых. Кто-то пытался убить Рафу.

– Нет. Не смей так поступать.

– Может, не Маккензи. Но кто-то пытался. Мы «Корта Элиу»: мы хороши, но мы хороши только в одном. Мы извлекаем гелий. Благодаря нам горит свет там, внизу. В этом наша сила, но также и наша уязвимость. АКА, «Тайян»; они повсюду и занимаются всем. Они могут выбирать, куда идти. Даже «Маккензи Металз» диверсифицируется, забираясь в наш главный бизнес. Потеряем бизнес, и нам будет некуда деваться. Мы потеряем все. Луна не терпит неудачников. И мамайн... Она уже не та, что раньше.

Ариэль во время этой тирады смотрела мимо Лукаса, не встречаясь с его убедительным взглядом. Даже ребенком он выигрывал в гляделки. Теперь он говорит пять слов, и она уже не в силах отвести глаз.

– Даже ты должна была это заметить, – говорит Лукас. Колкость достигает цели. Прошло много месяцев с той поры, когда Ариэль в последний раз присутствовала на заседании правления «Корта Элиу».

– Я знаю, ее общественной жизнью занимается Рафа.

– Рафа Корта. Золотой Мальчик. Он превратит этот бизнес в пыль. Помоги мне, Ариэль. Помоги мне, помоги мамайн.

– Ну ты и ублюдок, Лукас.

– Неправда. Я единственный настоящий сын во всей нашей семейке. Мне нужно что-то на этих китайцев, Ариэль. Немного. Лишь одно малюсенькое преимущество. У них должно что-то быть. Кусочек свисающей шкуры, в который я мог бы вцепиться.

– Предоставь это мне.

Лукас кланяется. Когда он отворачивается от сестры, на его лице рождается слабая улыбка.

Один сигнальный огонь – двери закрываются, два – происходит расстыковка. Три означают отбытие. По скале проходит легкая дрожь, когда индукционные моторы поднимают вагон в воздух. И трамвай уезжает. От Боа-Виста до вокзала Жуан-ди-Деуса всего пять километров. Судя по объятиям Рафы, прощальным словам и, да, слезам, их разделяют несколько миров.

Лукас наблюдает за неприкрытыми эмоциями брата с антипатией. Уголок его рта подергивается. Все в Рафе крупное. Так было всегда. Он был самым большим задирой, громче всех смеялся; харизматичный мальчик, золотой луч, не скупящийся на проявления гнева и не знающий удержу в удовольствиях. Лукас вырос его тенью: сдержанный и педантичный; элегантный и скрытный, похожий на тазер в кобуре. Чувства Лукаса такие же глубокие и сильные, как у его старшего брата. Эмоции и эмоциональность – это не одно и то же. Первое – своего рода сценарий, второе – актерская игра. У Лукаса Корты есть пространство для эмоций, но оно представляет собой уединенную комнату без окон, белую и пустую. Такую белую, что даже теней там нет.

Рафа обнимает брата. Как недостойно, какой конфуз. Лукас пыхтит от огорчения.

– Она к тебе вернется.

В подобных ситуациях люди ждут именно таких банальностей.

– Она мне не доверяет.

Лукас не может понять эмоциональную несдержанность брата. Для чего придуманы брачные контракты? На доверии и любви династию не возведешь.

– Раз Луна остается здесь, она к тебе вернется, – говорит Лукас. – Она все понимает. Я подержу Лукасинью в Боа-Виста, пока ситуация с безопасностью не устаканится. Он придет в ярость. Ему же лучше. Пусть шевелит мозгами, справляясь с трудностями. Ему все достается слишком легко. – Лукас хлопает Рафу по спине. Не бери в голову. Соберись. Отвяжись от меня наконец.

– Я собираюсь привезти Робсона назад.

Лукас подавляет раздраженный вздох. Опять он за свое... Когда Рафу охватывает недовольство, касающееся бизнеса, спорта, общества или секса, он снова погружается в нерешенную проблему в связи с тем, как несправедливо поступили с его сыном и первенцем. Три года назад Рэйчел Маккензи забрала мальчика в свою семью. Контракты были нарушены грубым и демонстративным образом. Адвокаты все еще спорят по поводу того, можно ли считать случившееся захватом заложника. Ариэль добилась прочного как сталь соглашения о доступе к ребенку, но каждый раз, когда трамвай отвозит Робсона обратно в Царицу Южную или «Горнило», струпья на ранах Рафы рвутся и раны кровоточат. В таком настроении даже Лукас не может справиться с братом с помощью слов.

– Делай, что должен. – Лукас уважает мать во всем, за исключением слепого обожания, которым она относится к Рафе. Рафа-золотце, престолонаследник. Он слишком эмоционален, слишком открыт, слишком мягок, чтобы управлять компанией. Нельзя вверять судьбу династий, благодаря которым на Земле горит свет, велениям сердца. Лукас снова обнимает Рафу. Что ж, миссия ясна. Ему придется захватить власть в «Корта Элиу».

Два прыжка от Царицы Южной до Жуан-ди-Деуса. Рафа и его эскольты ждут в частных залах ожидания станции БАЛТРАНа. До сегодняшнего дня охранники Рафы были электронными. Сегодня они рядом, и они биологические: двое мужчин, одна женщина, вооруженные и настороже.

«Капсула в трубе лифта», – сообщает ему Сократ.

Зеленые огни. Двери открываются. Выбегает мальчик; коричневая кожа, грива из дредов; длинные ноги и руки. Врезается в Рафу. Рафа подхватывает его и кружит, смеясь.

– Ох, это ты, ты, ты, ты!

Вслед за мальчиком выходит женщина: высокая, рыжеволосая, белокожая. Зеленоглазая, как и ее сын. С безграничным самообладанием она подходит к Рафе и отвечает ему тяжелую пощечину. Руки телохранителей взлетают к рукояткам ножей, спрятанных в хорошо скроенных костюмах.

– У нас есть поезда, знаешь ли.

Рафа начинает хохотать, и смех его подобен золоту.

– Выглядишь потрясающе, – говорит он жене. И она действительно выглядит потрясающе для женщины, которая пролетела над поверхностью Луны в переоборудованной грузовой жестянке, точно партия руды. Макияж безупречен; волосок лежит к волоску, каждый защип и каждая складка безукоризненны. И она права. БАЛТРАН вышел из моды с той поры, как заработали высокоскоростные железнодорожные сети: он грубый, но быстрый. БАЛТРАН – баллистическая транспортная система. В безвоздушном пространстве Луны баллистические траектории можно точно рассчитать. Электромагнитный разгонный двигатель раскручивает капсулу. Швыряет вверх. Гравитация тянет ее вниз. Принимающая сторона целевого разгонного двигателя ловит капсулу и гасит ее вращение до полной остановки. В промежутке – два-

дцать минут в свободном падении. Повторять по необходимости. В капсулах может быть груз или люди. Это трудно, но приемлемо и быстро; волосы дыбом встают лишь в том случае, если слишком много думать о сути способа передвижения. Рафа раньше с удовольствием использовал этот транспорт для секса в невесомости.

– Я хочу, чтобы он успел на игру. Он бы ее пропустил, если бы отправился поездом. – Он поворачивается к мальчику: – Ты хочешь посмотреть игру? «Мусус» против «Тигров». Джейден Сунь думает, что победит, но я говорю, мы надерем «Тиграм» задницу на глазах у всего стадиона. А ты что скажешь?

Робсону Корте одиннадцать лет, и один его вид, его присутствие, его изумительные волосы, его лицо, его великолепные зеленые глаза, то, как его губы приоткрываются от восторга, наполняют Рафу такой великой радостью, что от нее больно, и в то же самое время такой тяжелой утратой, что от нее тошнит. Он приседает, чтобы быть вровень с ребенком.

– День игры. Что ты думаешь, а?

– Ох, бога ради, Раф. – Рэйчел знает, Рафа знает; оба отряда телохранителей и даже сам Робсон в курсе, что дело не в гандбольном матче. Условия контракта разрешают Рафе получать доступ к сыну в любое время. Даже если мальчику придется пролететь через всю Луну и его будут швырять и ловить, швырять и ловить, как гандбольный мяч.

– Можем устроить скандал в его присутствии, если пожелаешь, – предлагает Рафа.

– Роббо, милый, ты не мог бы вернуться в капсулу? Это всего на пару минут. – Кивок Рэйчел отправляет одного из ее рубак с мальчиком. Робсон бросает взгляд через плечо на отца. Убийственные зеленые глаза. Он будет разбивать сердца. Одно разбивает прямо сейчас.

– Роббо, – презрительно повторяет Рафа.

– Я не имею никакого отношения к тому, что случилось на вечеринке.

– «Что случилось на вечеринке». На вечеринке случилось то, что меня едва не ужалила подосланная кем-то муха, заряженная нейротоксином. Я бы часами бился в конвульсиях, ссал и срал под себя, прежде чем задохнуться.

– Круто, но это не наш стиль. Маккензи любят демонстрировать свое лицо жертве, прежде чем прикончить ее. Лучше взгляни на своих дружков-Асамоа. Яды, жуки-убийцы; это так на них похоже.

– Я хочу его вернуть.

– Условия соглашения...

– На хрен соглашение.

– Предоставь это адвокатам, Раф. Ты действительно не понимаешь, о чем говоришь.

– С тобой он не защищен. Я задействую оговорку о безопасности. Пожалуйста, пришли Робсона ко мне.

– Со мной не защищен? – Смех Рэйчел Маккензи похож на удары кайлом по камню. – Ты сбрендил? Раф, мне наплевать, как тебя убьют, если вообще убьют, но я знаю Луну – тот, кто за тебя взялся, не остановится. Корни и ветви, Рафа. Позволить забрать Робсона? Ни хрена ты не получишь. Роб останется со мной. Маккензи заботятся о своих. – Она поворачивается к охраннику. – Запрограммируйте новый прыжок БАЛТРАНа. Мы отправляемся в «Горнило».

Рафа рычит в немой ярости. Ножи выскакивают из магнитных ножен: эскольты против рубак.

– Знаешь, твой брат прав, – говорит Рэйчел Маккензи. – Ты тупое дерьмо. Хочешь начать войну с нами? Не вмешивайтесь, парни. – Рубаки Маккензи открывают капсулу. Перед тем как шлюз захлопывается, Рэйчел Маккензи прибавляет: – Вот что я тебе скажу: твоя сестра пугает меня сильнее, чем ты. И яйца у нее побольше.

«Капсула в подъемнике, – говорит Сократ. – Разгонный двигатель набирает мощность».

Рафа бьет кулаком по бетону изо всех сил. Из его костяшек брызгает кровь.

– Я знаю, это была ты! – орет он. – Я знаю, это была ты! Ты хочешь посадить его во главе «Корта Элиу»!

На обратном пути в Меридиан Марина Кальцаге покупает место у окна, на верхнем ярусе. Горы и кратеры, огромные и пыльные, не очень-то величественные, как она и думала. Она смотрит теленовеллу по развлекательному каналу. Смысла нет, но все понятно. Любовь, предательство и соперничество среди элиты. В качестве элиты выступают добытчики резкоземельных элементов. Сюжет дурацкий, клишированный, актерская игра плоха. Марина смотрит, потому что может. Она посылает сообщение домой. «Мама, Кэсси: новости-новости-новости. Я ПОЛУЧИЛА РАБОТУ! Настоящую работу. В „Корта Элиу“. Термоядерные ребята. Пять Драконов. Я добуду для вас деньги». Хетти отправляет письмо, потом Марина открывает меню магазина поезда, чтобы найти для фамильяра новую оболочку. Роботы-обезьянки милы, но слишком уж банальны. Бог с мечами. Стиппанковая ведьма. Косатка-киборг. Да. Она моргает «купить», и Хетти вместо дефолтного облика получает гибкое черное тело с вкраплениями жидкого металла. Марина тихонько верещит от восторга. Деньги даруют свободу. Она снова глядит из окна на мягкие серые горы и каньоны, испещренные следами шин и отпечатками ботинок, пытается вообразить, как сама оставит там отпечатки вместе с Карлиньосом Кортой и его пылевиками. Корта черпают пыль огромными ведрами, просеивают, сортируют, экстрагируют гелий-3, а остальное выбрасывают. Грязная работа.

«Поговори с Карлиньосом», – сказал ей Лукас. Марина побежала. Посткризисные обещания забываются, если их не выполняют моментально. Карлиньос принес ей чай, усадил под куполом одного из многочисленных павильонов Боа-Виста, чтобы она смогла объясниться с ним и Вагнером.

– Ну и чем же ты занимаешься?

– У меня ученая степень по вычислительной эволюционной биологии в архитектуре промышленного контроля.

Как выяснилось, у Карлиньоса Корты была особая гримаса, обозначающая полное непонимание. Его нижняя губа провисла – всего лишь на миллиметр, – а между бровями появилась тоненькая вертикальная линия. Марина решила, что это милая особенность. Но когда на лице Вагнера появилось точно такое же выражение, это означало, что он понял куда больше, чем было сказано.

– Больше смахивает на организацию производства, чем на биологию, – сказал Вагнер.

– В очень грубом приближении. Я изучала, насколько богатая солнечной энергией среда вроде Луны сопоставима с земной фотосинтетической сухопутной системой вроде высокотравной прерии и как это могло бы породить новые производственные парадигмы и увеличить эффективность. Технология с биологией неразделимы, это навсегда.

– Интересно, – сказал Вагнер, качнув головой, как будто под грузом новых идей потерял равновесие. «А это твоя милая особенность», – подумала Марина.

– А опыт работы на поверхности у тебя есть? – перебил Карлиньос.

– Я здесь восемь недель. Ничего не видела, не считая внутренности Меридиана.

Оба брата Корта все еще были в пов-скафах. Полоски из светоотражающих пятнышек вторили очертаниям их мускулатуры. Марина вдохнула их «парфюм» с ароматом пороховой лунной пыли и переработанных жидкостей человеческого тела. Лунный пот. Парни чувствовали себя расслабленно и спокойно в своих грязных герметичных костюмах. От этого Марина почувствовала обиду и тоску; схожим образом у нее щемило в груди при виде сноубордов и защитных очков. Ее друзья занимались сноубордингом на вершинах Снокуалми и Мишн-Ридж. Они были снежными ребятами. Как-то раз предложили взять ее с собой и обучить, но нужно было сдавать статью. Не невозможную статью, но проблемную. Требовалось время. Так что Марина оставалась в квартире, пока они загружали машину, и расплакалась от одиноче-

ства, когда та отъехала. Она закончила статью, но навсегда осталась девушкой-которая-упустила-сноубординг. Предложение так и не повторилось. Каждый раз, видя в магазинах очки, перчатки и прочее обмундирование, слыша прогноз погоды, сообщавший о первом снеге в горах, она мучилась от неутоленных желаний и чувства утраты. Где-то в параллельной вселенной существовала сноубордистка Марина, свежая и веселая. Испещренные ярлыками повскафы, шлемы, они манили ее, точно слухи о снегопаде. Вот он, второй шанс. Не стань женщиной-которая-упустила-Луну.

– Я хочу работать на поверхности. Я хочу попасть туда. Я могу всему научиться.

– Придется освоить целый комплекс физических навыков, – предупредил Вагнер.

– Я научу, – сказал Карлиньос. – Приходи на завод «Корта Элиу» в Жуан-ди-Деусе.

– Так и сделаю. – Беззвучным шепотом она велела Хетти подыскать жилье.

– Выучи португальский, – крикнул Карлиньос на прощание. Охранники сопровождали группы гостей и официантов на станцию. – И спасибо тебе.

Марина откидывается на спинку своего сиденья у окна. Она получила работу и квартиру, ее жизнь полностью переменялась, и все это отражается в одном мимолетном, едва уловимом движении: если взглянуть на чиб в правом нижнем углу поля зрения, то можно увидеть, что измеритель O₂ окрасился в золотой цвет. Она дышит за счет Корта. Марина почти заканчивает свой второй мохито, когда поезд въезжает в Меридиан и воздушные шлюзы совмещаются с дверьми. С помощью лифтов она поднимается в ревущий хаос хаба Орион, похожего на кафедральный собор. Каждый прилавок с чаем и водой, каждая забегаловка и магазин, каждая уличная столовая и киоск самообслуживания щеголяют вещами, которые Марина может *купить*. Потом она вспоминает про Блейка, там, на крыше города, выкашливающего легкие кусок за куском. Косатка-Хетти рассылает запросы в фармации, договаривается о цене на курс фототерапии. Мультиплюрирезистентный туберкулез – недавний агрессор с Земли, пробравшийся сквозь строгий карантин и быстренько нашедший себе жилье. Он прилип как белая плесень к высоким ребрам квадр, влажным и вонючим, где обитает беднота. Аптечный киоск печатает двадцать белых таблеток. Маленьких белых таблеток.

Три битси за экспресс-лифт. Один битси за эскалатор, который везет ее вверх, мимо плоских крыш, лестниц и переулков 80-х и 90-х уровней западной стороны. Выше 110-го уровня не идет ничего механического. Остаток пути наверх, в Байрру-Алту, она бежит, совершая большие и неутомимые земные прыжки; одолевает целые лестничные пролеты одним скачком. Вот торговец мочой, вот Богоматерь Казанская – ни света ей не досталось, ни любви. Вот балкон, с которого Марина завистливо наблюдала за летающей женщиной.

Комната пуста. Все исчезло: матрас; бутылки для воды, барахло Блейка. Пластиковые ложки и тарелки. Вымели последнюю частицу слизи, последнюю пылинку. Хлопья кожи – ценная органика.

Конечно, она перепутала дом.

Конечно, Блейк переехал.

Конечно, этого не может быть.

Марина прислоняется к дверной раме. Она не может дышать. Не может дышать. Хетти регулирует работу ее легких. «Дыши». Она не должна дышать, не имеет права дышать. Она не заслужила этот воздух, раз Блейка больше нет.

– Что произошло? – кричит она занавешенным дверям и пустым окнам теснящихся клетушек. На лестницах и в коридорах Байрру-Алту сплошь чьи-то повернувшиеся к ней спины. – Где же вы были?

«У меня есть запись», – говорит Хетти, и линза Марины накладывает поверх пустой комнаты изображения людей. Заббалины со своими роботами. Падальщики. Она замечает ступню с вывернутой лодыжкой на краю матраса. Заббалины собираются вокруг, и ступня скрывается из вида. Запись взята с уличной камеры, так что угол обзора неудачный и картинка зернистая

из-за увеличения. Заббалины выходят, держа в каждой руке по тяжелой металлической канистре.

– Выруби это, выруби! – кричит она. Хетти отключает видео в тот самый момент, когда Марина видит, как роботы запечатывают дверь и окна вакуумным пластиком. До последней частицы кожи. До последней капли крови. И ничего нельзя сделать. Никуда не подашь апелляции. Блейк мертв, но на Луне смерть не освобождает от долгов. Заббалины все еще взимают суммы с чиб-счетов Блейка, жутким образом перерабатывая каждую часть его тела в полезную органику.

Он умер от кашля, слыша, как скребутся у двери боты заббалинов и ждут наступления тишины...

– Почему вы ничего не сделали? – кричит Марина, обращаясь к дверям и окнам. – Вы же могли хоть что-то сделать. Многого бы не потребовалось. Пара децим с каждого. Разве пара децим вас бы убила? Да что вы за люди?

Пустые дверные проемы, повернутые к ней спины, спешащие прочь плечи – вот и весь ответ, который дают Марине люди, живущие на Луне.

Трамвай отвергает его. Отказывает ему. Пренебрегает им.

До этого еще никто и никогда не пренебрегал Лукасинью Кортой. На миг от безграничной наглости оскорбления его парализует. Он снова приказывает Цзиньцзи открыть шлюз.

«Доступ запрещен для тебя».

– Что ты имеешь в виду под «запрещен для меня»?

«Доступ к трамваю ограничен для людей из следующего списка: Луна Корта, Лукасинью Корта».

А он-то думал, отец пошутил, сказав, что Боа-Виста переходит в режим строгой изоляции. Ради защиты детей.

– Обойди запрет.

«Я не в состоянии это сделать. Могу обратиться в службу безопасности. Хочешь, чтобы я обратился в службу безопасности?»

– Забудь.

Лукасинью понравилась идея о том, чтобы какое-то время отдохнуть в Боа-Виста и Жуанди-Деусе. Пожить как полагается. Можно не спешить возвращаться в университет: коллоквиум заполнит пропущенное. Для того он и предназначен. Теперь отец его запер, и ему надо выбраться. Клаустрофобия! Боа-Виста – каменная кишка. Лукасинью заперт в брюхе чудовища, его медленно переваривают. Он вскидывает кулак, чтобы ударить непокорный металл шлюза. Останавливается. Внезапно ему в голову приходит блестящая, куда лучшая идея.

Карлиньос и Вагнер пришли через шлюз, ведущий на поверхность. Лукасинью может через него выйти наружу. А пройдя через шлюз, он сможет отправиться куда угодно. В любое место. Прочь отсюда. На хрен строгую изоляцию, на хрен безопасность семьи. На хрен семью. Возможно, во не на хрен. Она старая и уже не та, что прежде, но еще может зажечь как следует, и Лукасинью восхищается тем, как она вызывает уважение к себе – естественно, будто дышит. И, наверное, не Карлиньоса, хотя Лукасинью вечно не может взять в толк, что сказать дяде, как дать понять, что он считает его славным малым. Лукасинью годами боялся, что его-то Карлиньос считает говнюком. О детишках и вспоминать не стоит. Остальных на хрен.

В особенности отца.

Трико-подкладка аварийного скафандра не рассчитано на третье поколение, и Лукасинью приходится попытаться пять минут, натягивая его. В герметичном ранце, прикрепленном к наружной оболочке скафандра, нет места для одежды. Невелика потеря. Он может напечатать новые штотки в Жуан-ди-Деусе. Лукасинью отстегивает «Леди Луну» и прячет в ранец. Аварийный скафандр – пупырчатый сай-фай робби-робот, оранжевый и светоотражающий, с

маячками. Внутри он достаточно просторный, чтобы Лукасиною мог шевелиться. Цзиньци копирует себя в систему скафандра и запускает его. На поверхности он окажется за пределами зоны покрытия сети. Зажимы щелкают. Оболочка герметизируется. Воздух шипит, постепенно затихая.

– Давай прогуляемся, – выдыхает Лукасиною. Под управлением Цзиньци скафандр марширует в наружный шлюз. Лукасиною вспоминает, каково было в последний раз в таком шлюзе. Обнаженные тела. Колено к колену. Обнаженная Абена Асамоа напротив него. Пот, испаряющийся с ее безупречно округлых грудей по мере падения давления. Эти груди будут его. Где-то там, на просторах Луны. Он их найдет. Он у них в долгу. Она пустила ему кровь.

Он не думает о том, что было во внутреннем шлюзе. Клубок тел; сознание приходит и уходит. Боль, красное, черное, боль. Визг экстренного нагнетания воздуха.

Наружная дверь распаивается.

Управляя серводвигателями жесткого скафандра, Цзиньци запускает его в быстрый, прыгучий бег. Система безопасности узнает, что кто-то открыл шлюз и забрал скафандр. Они не поймут, кто это сделал, куда направился и как быстро. Они разберутся, но к тому моменту Лукасиною уже войдет в другой шлюз, который наполнится воздухом, сбросит скафандр и затеряется в толпах Жуан-ди-Деуса.

Не такой уж ты умный, пай.

Лукасиною выходит из шлюза Жуан-ди-Деуса и едет на лифте в деловую часть города. Скафандр развернется и самостоятельно трусцой побежит обратно в Боа-Виста. Аварийные скафандры слишком ценны, чтобы раскидывать их по Морю Изобилия. Однажды от него может зависеть чья-то жизнь. Проткнуть символом лунной гонки герметичное плетение оказалось почти так же трудно, как натянуть на себя тугое скаф-трико. Лукасиною нарушил целостность скафандра. Лучше уж не надо, чтобы однажды от него зависела чья-то жизнь... Уж точно не его собственная. Нет, Лукасиною Корта рассчитывает, что это был последний раз, когда он побывал на поверхности.

Жуан-ди-Деус – город, сделанный наполовину; здесь повсюду необработанный камень и низкие балочные перекрытия, а проспекты и квадраты тесные и узкие. Вентиляционные двери спазматически дергаются, солнечная линия мигает. Воняет дерьмом и немывыми телами, системы жизнеобеспечения работают на пределе возможностей. У воды привкус батареек. Слишком много людей, светлых людей. Вечно кто-то оказывается впереди, загроживает путь. Кто-то тыкает тебя локтями, дышит тебе в затылок, является, точно призрак, из облака парящих фамильяров. Указатели и вывески, рекламные листовки и граффити – все на португальском. Жуан-ди-Деус – Гелий-вилль, город на фронтире. Город, построенный компанией для своих, и потому Лукасиною здесь не останется.

– Будь ты моим отцом, что бы сделал? – спрашивает Лукасиною у Цзиньци.

«Я бы заморозил твои счета».

Итак, Лукасиною отправляется на станцию, а не в принт-мастерскую модной одежды.

Скаф-трико – обычная вещь в Жуан-ди-Деус, даже приемлемая. На Центральном вокзале Меридиана двадцать голов успели повернуться к тому моменту, когда он добирается до главного лифта, ведущего вверх, на проспект Гагарина. Надо бы сменить этот наряд на что-то другое, пусть Лукасиною и носит его элегантно. Может, он сумеет всех убедить, что это такой новый микротренд? 1950-е – это уже прошлый месяц. Шик рабочего-поверхностника. Синие воротнички – вот в чем соль: такие честные, такие современные. Он меняет походку на более броскую, от бедра, с самодовольным видом. Ему хорошо. Он кое-чего добился. Все дело в том, что Боа-Виста его не удержал и семья не удержала. Все дело в том, что он сбежал благодаря собственному уму и крутости. Все дело в том, что он свободен. Все дело в том, что он вернулся. Это даже не «кое-что». Это много что! Лукасиною Корте не просто хорошо; он отлично себя чувствует.

Официант в кафе не может не пялиться на Лукасинью, пока тот заказывает вейпер и мятный чай и вытягивается в кресле. Дело в наряде или в мышцах внутри него? Лукасинью выгибает спину, чтобы напрячь мышцы живота, раздвигает ноги, чтобы похвастаться бедрами. Он любит, когда на него глядят. Я богатый сыночек в скаф-трико. На мне эта штука классно смотрится, но сам я тебе не по карману.

Лукасинью зажигает кончик вейпера и вдыхает. ТГК прохладными витками уходит в горло. Он чувствует, как внутри все расслабляется, как зарождается улыбка. Он потягивает чай из стакана и просит Цзиньци вывести на линзу каталог «Бой де ла Бой». К моменту, когда Лукасинью заканчивает составление гардероба, его охватывает приятный кайф. Цзиньци отправляет заказ в принт-мастерскую. Тот немедленно возвращается.

«В оплате отказано».

Лукасинью рушится с высот, на которые воспарил. Падение долгое и завершается тяжелым ударом.

«Твой счет заморожен», – сообщает Цзиньци. Болезненная яма открывается в желудке у Лукасинью, полная вращающихся зубастых шестерней. Он вздрагивает, ахает, а потом озирается, чтобы проверить, не заметил ли этого кто-нибудь. Мимо жужжат моту, толпы продвигаются по проспекту Гагарина в сени деревьев. Никто-никто не знает, что в один миг он превратился из Дракона в попрошайку. Нет денег, у него нет денег. Он никогда не знал безденежья. Лукасинью не понимает, как себя вести, если у тебя нет денег.

Пальцы Лукасинью нащупывают украшение, которое Абена Асамоа вставила ему в ухо. «Когда тебе понадобится помощь Асамоа; когда не будет другой надежды, когда ты окажешься в одиночестве, обнаженный и незащищенный, как Коджо...» Он вертит серьгу, наслаждаясь слабой болью, которая появляется от того, что металлическая штучковина тревожит незажившую рану. Нет. Он пока что не отчаялся до такой степени. Он Лукасинью Корта; он наделен шармом, красив и сексуально привлекателен. С такими данными можно чего-нибудь добиться.

Четыре цифры на его чипе огромны и замечательны. Они представляют собой целый мир: воздух, вода, углерод, данные. От Четырех Базисов его не отрежут. Люди, которым приходится работать, платят за воздух и данные. У семейства Корта все это налажено. Он может дышать, он может пить, он подключен, у него есть углеродное довольствие. Исходя из этого, и надо планировать следующий шаг. В квартиру ему нельзя. Отцовские эскольты, скорее всего, уже там. У него есть друзья, у него есть аморы, у него есть места, куда можно отправиться. Ему нужны одежда и жилье.

Надо залечь на дно. Ага. Вот оно что. Отец может отследить его через сеть. Значит, Цзиньци должен уйти. В животе и паху Лукасинью все сжимается от страха. Вне сети, отключенный. Он колеблется, прежде чем прошептать слова, которые вырубят Цзиньци. Это социальная смерть. Нет, это выживание. Наверное, отец уже определил его местонахождение по неудавшейся оплате. Контрактные охранники, возможно, уже в пути.

Надо заплатить за вейп и чай.

Нет, не надо за них платить. Он может сделать то же самое, что в Боа-Виста и Жуан-ди-Деусе – просто уйти. Что сделает официант? Проткнет его ножом? Призовет толпу? Он по-прежнему Корта. Хоть пальцем тронь одного Корта, и остальные тебя зарежут. На Луне нет преступлений, нет краж, нет убийств. Есть только контракты и переговоры.

Лукасинью выбирается из кресла и неспешным шагом идет через проспект Гагарина. Даже в своем флуоресцентном розовом скаф-трико он исчезает в толчее людей, машин и ботов. Еще несколько шагов, и он под деревьями. Не оборачивайся. Никогда не оборачивайся. На ходу он отделяет Цзиньци от команд и стандартных программ, отсекает подсоединения и выключает утилиты одну за другой, пока над его левым плечом не остается пустая оболочка. Люди делаются подозрительными, когда своим дополненным зрением не видят фамильяра.

По обе стороны от него вздымаются стены квадры Ориона; ярус за ярусом, уровень за уровнем, огни и неоновые вывески; латинские, кириллические, китайские неонки. Отключение Цзиньци сняло с мира слой дополненной рекламы, но остались физические экраны и миленькие кawaii анимации, обращенные к нему. Один в Меридиане, без единого битси на отпечатке большого пальца. Как бедняк. Только вот у него есть друзья наверху, среди огней в стенах мира. Так что на самом деле он не такой, как бедняки. На хрен бедняков. Надо действовать.

Вся Луна влюблена в Ариэль к моменту, когда она прибывает на прием в честь китайской торговой делегации. КРЛ сняла открытый бельведер на восьмидесятом уровне ротонды, центральной оси, где встречаются пять проспектов квадры Водолея. Виды простираются на километры. Вертикальные сады роняют занавесы из ползучих растений поверх открытых арок. За ними над пустотой дрейфуют огни.

На Ариэль коктейльное платье от Сил Чапман. Все глаза устремлены на нее. Всякое человеческое существо жаждет оказаться на ее орбите. Она слышит шепоты, видит, как в унисон кивают головы. Внимание – это кислород. Она затягивается длинным титановым вейпером и углубляется в толпу гостей вечеринки.

Представлены все Пять Драконов: Яо Асамоа из Золотого Трона; нерешительный, робкий Алексей Воронцов; Верити Маккензи баюкает красивого ручного ангорского хорька, биологического. Он привлекает восхищенные взгляды. Вэй-Лунь Сунь держится в афелии по отношению к китайцам.

Китайская миссия состоит из одних мужчин, их движения все еще неловки и избыточны. Они не пытаются подстроить свои тела под требования лунной гравитации. Они не собираются пробыть здесь так долго. Они кланяются, улыбаются,жимают руку Ариэль и понятия не имеют, кто она такая, не считая того, что она, похоже, виновница большого торжества. Ариэль наслаждается слабым покалыванием сексуального возбуждения в нижней части живота. Она шпионка в платье от Сил Чапман.

Важные шишки из КРЛ. Управляющие компаниями и финансовые директора. Адвокаты и судьи.

Судья Нагаи Риэко приветствует ее с другого конца комнаты. Кивком указывает на Орлу Луны. «Я сообщила о тебе Орлу, – говорит она посредством фамильяра. – Он одобрил». Ариэль вместо ответа салютует коктейльным бокалом. Добро пожаловать в Павильон Белого Зайца.

А вот и Орел Луны. Джонатон Кайод, генеральный директор Корпорации по развитию Луны; король, папа и император; в действительности – номинальный глава, птица с ярким оперением, запертая в клетке. Его фамильяр – сам лунный орел. Только ему дозволено пользоваться этой оболочкой. Рядом его око Эдриан Маккензи, не забывающий о том, что всегда надо быть на тон тусклее блистательного Орла. Фамильяр у него в облике ворона.

– Знаменитая Ариэль Корта, – говорит Орел Луны. Он крупный для рожденного на Земле; гигант игбо¹⁰ из Лагоса. Он стоит плечом к плечу даже с лунными детьми второго поколения. – Могу ли я надеяться, что вы не устроите здесь драку?

– В этом платье? – кокетливо говорит Ариэль, но все же переворачивает пустой коктейльный бокал вверх дном в знак того, что будет драться хоть со всеми гостями сразу. Орел Луны не знает, в чем смысл этого жеста, но его супруг-австралиец понимает шутку. Он слабо улыбается.

– Я на вас заработал на Селебдаке, – шепчет Орел. Он бросает короткий взгляд на своего око. – Мы устраиваем такие маленькие соревнования. Помогает оставаться в здравом уме. Он ужасно переживает из-за проигрышей.

– Даже на Луне девушка может привлечь к себе внимание, только если снимет одежду.

¹⁰ *Игбо* – народ в юго-восточной Нигерии и ряде других африканских государств.

Орел Луны грубо хохочет. Смех у него неимоверно громкий. Комната застывает, потом по толпе собравшихся прокатываются маленькие афтершоки веселья; люди смеются, вторя более важным персонам.

– Чистая правда. Увы, чистая правда, верно? – Он игриво тыкает Эдриана Маккензи в ребра. Эдриан морщится, проглатывает негодование. Ходят слухи, что Эдриан Маккензи манипулирует Орлом Луны, чтобы сделать его пост более политическим, более важным, более похожим на президентский, одновременно запихнув его поглубже в карманы «Маккензи Металз». – Ваша семья как будто создана для общественного внимания. Вы провернули эффектный *coup du tribunal* в нижнем белье. Ваш племянник спас того мальчишку-Асамоа во время лунного забега. А потом – происшествие с вашим братом, о да; я шокирован. Весьма шокирован.

– Похоже, мы компенсировали одно нарушение системы безопасности другим. – Ариэль посылает дымную спираль вверх, к лампам.

Джонатон Кайод оттягивает одно веко.

– Орлиный глаз следит за вами, – насмешливо говорит глава КРЛ.

Он провожает Ариэль через занавес из гибискуса наружу, на внешний балкон. Взглядом приказывает Эдриану Маккензи оставаться внутри. Балкон высок, его обдувают воздушные течения, спиралью поднимающиеся с нижних уровней. Освещение плавно переходит в закатный режим. Солнечная линия роняет длинные золотистые лучи, тени окрашиваются в розовато-лиловый, а от далекого дна поднимается индиго; в кварталах загораются огни, похожие на блески в пыли. Джонатон Кайод говорит низким, доверительным шепотом:

– Рад видеть вас в составе моего консультативного кабинета.

– Это честь для меня.

– Между нами говоря, я думаю, что для Корта пришло время стряхнуть пыль с ботинок и занять надлежащее место в политическом сообществе. «Политика» – это не грязное слово. Однако покушение на убийство нас встревожило. Это какой-то жуткий регресс к шестидесятым. Дуэли, вендетты, покушения – мы от всего этого ушли. Разумеется, у Орла нет власти, чтобы вмешаться, но мы можем давать советы и предупреждать. Будет жаль, если открывшиеся для семейства Корта возможности окажутся заблокированы из-за поведения нескольких агрессивно настроенных братьев.

Орел Луны наклоняет голову. Ариэль Корта поджимает пальцы. Аудиенция закончена. Джонатон Кайод проходит сквозь занавес из гибискуса. Оторвавшиеся лепестки усеивают плечи его агбады. Эдриан Маккензи берет его под руку.

Ариэль задерживается, облакачивается о каменные перила. Штаговые огни дронов и педикоптеров, искрящаяся россыпь флаеров, лифты и гондолы фуникулеров точно драгоценные камни на абаке: она погружена в свет, вдыхает его, как рыба вдыхает воду. Пузырьки выдыхаемого света.

Она затягивается длинным вейпером и прокручивает в памяти короткий разговор. Две вещи. КРЛ знала о покушении на убийство, а еще об уверенности Рафы в том, что это новая вспышка старой вражды между Маккензи и Корта. И Орел Луны оставил беседу записанной; ее слышали фамилляры. Ей полагалось все передать в Боа-Виста, со всеми обещаниями и угрозами. Мы можем быть королями Луны, как являемся королями гелия, но нам полагается вести себя по-королевски, а не подобно диким бандейрантам. Орел Луны поручил ей приструнить импульсивного брата.

Вечеринка манит, и сегодня вечером она будет безудержно флиртовать, но есть еще одно последнее дело; дело Корта. Дело бандейрантов. Она кивком подзывает человека, который маячил на краю ее поля зрения весь вечер. Он выходит на балкон и на миг останавливается рядом, устремив взгляд на неустанное движение.

– Ань Сюин, – говорит он, не глядя на нее и не признавая.

И исчезает. Он чиновник среднего ранга в Корпорации по развитию Луны, в костюме не по карману, нанявший адвоката по никаху не по карману, чтобы получить возможность сочетаться браком с парнишкой из семьи Сунь, которого любит всей своей щедрой и слабой душой.

– Лукас, – шепчет Ариэль, обращаясь к Бейжафлор. Ее брат мгновенно включается. Он ждал этого звонка всю ночь.

– Ань Сюин, – говорит Ариэль.

– Спасибо.

– И больше не проси меня об услугах, Лукас, – говорит Ариэль и обрывает связь. Она выпрямляет спину, избавляется от скопившейся за день напряженности и скованности. Уверенность – самое соблазнительное ожерелье. Сексуальные драгоценности власти ей к лицу. О, они ей весьма к лицу.

Движение, шум у дверей. Фигура в розовом позади ботов и черствых охранников-людей. Кто-то чего-то хочет, кто-то с кем-то враждует, кто-то на что-то надеется. Кто-то хочет о чем-то попросить. Китайцев это заинтересовало.

– Сеньора Корта? – Ариэль не заметила приближения референтки, чей голос внезапно раздался возле ее уха. Референтам так и полагается приближаться, не привлекая внимания. Булавка с орлом в верхней части корсажа ее платья от Сьюзи Перетт демонстрирует, кому подчиняется эта референтка. – Вы знаете Лукаса Корту-младшего?

– Он мой племянник.

– Он хочет с вами увидеться. Снаружи, если соблаговолите. Он неподобающе одет.

Фигура в розовом узнаёт ее. Что это на нем надето, скаф-трико? Но красивого высокого болвана ни с кем не перепутаешь. Нельзя перепутать эти обласканные богами скулы, эту широкую улыбку, от которой тают сердца.

– Тиа, – говорит Лукасинью по-португальски, – я сбежал из Боа-Виста. Можно мне пожить у тебя?

В малюсенькой кухонной зоне, которой Ариэль не пользуется, ее поджидают пирог и мятный чай.

– Я приготовил тебе пирог, – говорит Лукасинью. – В качестве благодарности. За гамак.

Квартира у Ариэль очень маленькая. Она живет одна. Послала сюда Лукасинью с приема в честь китайцев. Гамак ждал его в воронке принтера. К моменту ее возвращения племянник уже качался в нем в глубоком беспамятстве, с открытым ртом, раскинув руки и ноги в глубоком сне, под простирившейся во всю стену фотографией лица Довимы, сделанной Ричардом Аведоном. Это единственная отделка интерьера: выбеленное лицо, мягкие темные глаза и рот, дыры вместо ноздрей.

– Ты не расскажешь папай? – говорит Лукасинью.

– Лукас узнает, – отвечает Ариэль. Берет ломтик пирога. Лимонный; легкий как вздох. – Если уже не узнал. Он меня спросит.

– Что ты скажешь?

– Мой брат мне кое-чем обязан. – Должно быть, Лукас не спал всю ночь, требуя возвращения долгов, соблазняя союзников, направляя своих агентов, биологических и информационных, на Землю. Все свои ресурсы он пустит в ход против Ань Сюина, но в большей степени – весь свой осмотрительный, безжалостный интеллект, который не будет знать покоя и не отступит, пока Лукас Корта не получит желаемое. Ариэль почти жалеет бедолагу. Лукас прибегнет к принуждению силой внезапно, резко, не оставив возможности спастись. – Так что я могу сказать что вздумается. – На этот раз. Но она не чиста. Только что получила место в Павильоне Белого Зайца – и уже выдала особо секретную информацию; прямо перед носом у самого Орла Луны. Лукас никогда не одобрял того, что она стремилась к жизни и карьере за пределами

семьи. Теперь, совершив это единственное маленькое предательство в пользу семьи, она дала брату преимущество, которым он воспользуется. Не сейчас. Не скоро. Но однажды, когда ему это будет больше всего нужно. Ради семьи. Всегда ради семьи. – Этот пирог... – Ариэль откусывает еще немного. – Где ты научился готовить?

– Где все учатся? В сети. – Лукасинью подвигает пирог к Ариэль, чтобы она его оценила. – У меня хорошо получаются пироги.

– Да уж.

– Было чуточку сложно. У тебя мало что есть на кухне. Вообще-то только вода и джин.

– Ты все заказал?

– Ингредиенты, да. То, что не смог напечатать. Например, яйца.

– Тогда ты еще и очень аккуратный.

Лукасинью улыбается, не скрывая простодушную радость.

– Ариэль, могу ли я остаться?

Ариэль представляет себе, как он делается постоянной частью ее квартиры. Чем-то ярким, смешным и непредсказуемым среди строгих белых и чистых поверхностей, наряду со сделанным на заказ джином, чистой водой в ее кулере и огромным лицом давно умершей модели из 1950-х – глаза закрыты, зубы прикусывают нижнюю губу. Он добавил бы в ее жизнь милоты и доброты.

– Лукас не до такой степени мне обязан.

Лукасинью пожимает плечами.

– Ладно. Я понимаю.

– Куда ты отправишься?

– Друзья. Девушки. Парни. Мой коллоквиум.

– погоди. – Ариэль уходит в свою комнату и достает из сумочки бумаги. – Тебе это понадобится.

Лукасинью, нахмурившись, глядит на букет серых полосок в своих руках.

– Это что такое?

– Деньги.

– Ого.

– Наличность. Твой отец заморозил твой текущий счет.

– Я никогда... Ого. Смешной запах. Немного пикантный. Как перец. Из чего они?

– Из бумаги.

– То есть...

– Измельченные тряпки, если это для тебя что-то значит. И да, КРЛ их не санкционировала, но они помогут тебе добраться куда надо и дальше, куда захочется.

– Как ты их достала?

– Клиенты часто проявляют фантазию, рассчитываясь. Постарайся не спустить все сразу.

– Как мне их использовать?

– Ты считать умеешь, верно?

– Я приготовил тебе пирог. Я умею считать. Складывать. И отнимать.

– Ну конечно, умеешь. Сотни, пятидесятки, десятки и пятерки. Вот как ими пользуются.

– Спасибо, Ариэль.

Эта великолепная улыбка, от которой тает сердце. Ариэль снова семнадцать; она только что вылетела из-под материнского крыла, моргает от яркого света большого мира. Университет Невидимой стороны только что открыл свой первый коллоквиум в Меридиане, и имя «Ариэль Корта» оказалось первым в списке учебной группы. Невидимая сторона была прибежищем эксцентриков, Жуан-ди-Деус – грязным шахтерским поселком, Боа-Виста – почти пещерой. В Меридиане царствовали цвет, шарм, энтузиазм и лучшие юридические умы на Луне. Она уехала на БАЛТРАНе. Ничто другое не унесло бы ее из «Корта Элиу» достаточно быстро. Она

сбежала прочь, да там и осталась. Лукас не допустит, чтобы с его сыном произошло такое. Будущее Лукасинью распланировано, как настольная игра: кресло за совещательным столом в Боа-Виста, должность в семейной корпорации, подогнанная под его таланты и ограничения. А где местечко для пирогов, приготовленных с любовью? Там же, где место для любви его отца к музыке. Все покоряется нуждам «Корта Элиу».

Наслаждайся этой короткой свободой, малыш.

– Одно замечание: я потратила много углерода, чтоб напечатать эту одежду. От тебя требуется лишь ее носить.

Лукасинью ухмыляется. Он великолепен, думает Ариэль. Мышцы, металл и грация танцора. И пирог у него вышел на славу.

Гандбол! Ночь игры! Гандбол! «Жуан-ди-Деус Мусус» против мужской команды «Тигров Сунь».

Эстадио-да-Лус – это Колизей; крутые ряды сидений и ложи, вырезанные в грубой скале, ярус за ярусом, так что самые верхние уровни глядят на площадку почти вертикально вниз. Выше дешевых мест только прожекторы и роботы-аэростаты в виде миленьких фигурок из маньхуа, с рекламой на животах. Фанаты сидят близко; игрок на площадке, если он сумеет уделить им хоть секунду, увидит стену лиц, ярус за ярусом. Он почувствует себя гладиатором на арене. Игрокам еще предстоит совершить свой выход. Камеры порхают над рядами фанатов, передают их лица на линзы всем и каждому. Внизу на площадке жонглеры демонстрируют потрясающе мастерские трюки, группа поддержки танцует и строит пирамиды, красивые мальчики и девочки поражают гимнастическим мастерством. Фанаты видят такое на каждой игре, но таковы правила. Музыка и огни. Аэростаты, жирные как боги, маневрируют и строятся по-новому. Глумливые возгласы и свист: КРЛ, разумеется, увеличила цену на O₂ на время игры. Но пари все равно заключаются с неистовой силой.

Люди в Жуан-ди-Деусе живут в туннелях и норах, однако гандбольный стадион у них лучший на Луне.

Рафа Корта открывает стеклянную стену директорской ложи и сопровождает Ань Сюина на балкон. Его правую руку окутывает исцеляющая перчатка. Он был глуп. Глуп и поспешен. Глуп, горяч и эмоционален. Робсон должен быть здесь, с ним, в ложе, высоко над рядами фанатов: твоя команда, сын. Твои игроки. Он все сделал неправильно. Первую ошибку совершил, когда увидел, как Рэйчел Маккензи выходит, безупречная и великолепная, из капсулы БАЛ-ТРАНА. Он вспомнил все, что в ней обожал. Самообладание, гордость, интеллект и пламя. Династический брак. Перемирие между Корты и Маккензи, скрепленное сыном. Робсон был центральным условием брачного контракта и той вещью, которая их разделила, как лед разбивает скалу. На крещении – одно для Церкви, одно для ориша – он увидел, как Маккензи воркуют вокруг младенца, точно стая голубей-падальщиков. Вампиры. Паразиты. Каждый раз, когда Рэйчел ехала с ним навестить семью, – каждый визит оказывался длиннее предыдущего, – недоверие и ужас пробирали Рафу до костей. Его раненая рука пульсирует внутри перчатки.

Но это ночь игры. Ночь игры! И у него гость с Земли. Есть одна игра, и есть другая игра. Та, которая на самом деле важна этой ночью и на этой арене.

Отключи свое сердце, Рафа.

Звуки, виды, ощущения мгновенно ошеломляют Ань Сюина, когда он выходит на балкон. Рафа поднимает руку, обращаясь к галерке. Фанаты отвечают ревом: патран здесь! Рафа видит Джейдена Вэнь Суня в соседней ложе и спешит туда, чтобы поприветствовать и шуточно ткнуть в ребра друга и соперника, оставив гостя впитывать атмосферу игровой ночи. Землянин цепляется за перила обеими руками, от шума и малой гравитации у него кружится голова.

Теперь стадионный спортивный комментатор зачитывает списки команд. Фанаты могут получить эти сведения мгновенно при помощи фамильяров, но тогда не будет общности, момента, эмоций. Каждое имя приветствует волна шума. Самым громким ревом встречают Мухаммеда Басру, левого углового, который недавно подписал контракт и перешел из «CSK Святой Екатерины».

– Это очень увлекательно, сеньор Корта, – говорит Ань Сюин.

– Подождите, пока появятся обе команды.

Фанфары! Гости выбегают на арену. Их болельщики сходят с ума в своем конце поля, машут баннерами и дуют в вуззелы. В соседней ложе Джейден Сунь лупит кулаком воздух и вопит до хрипоты. Его «Тигры Сунь» обмениваются мячом между собой несколько раз, репетируют прыжки, столкновения и плечевые атаки. Голкипер подвешивает небольшую иконку в задней части маленькой сетки. Вот что превращает гандбол в величайший командный спорт на Луне: пусть гравитация и невелика, но в сеть попасть сложно.

Музыка! «Парни вернулись». Звучит тема «Мусус». Вот идут ребята, ребята, ребята! Фанаты вскакивают. Их голоса становятся чем-то большим, чем шум. Закрытый Колизей Эстадио-да-Лус вибрирует от их пения. Рафа Корта в нем купается. Голоса фанатов дочиста смывают с него гнев и обиду. Этот момент он любит даже больше победы; момент, когда он раскрывает ладони и магия вырывается на свободу. Видите, что я вам даю? Но я эгоист; я это даю и самому себе. Я фанат, прямо как вы.

Команда начинает разминку на поле. Ань Сюин наклоняется через перила. Рафа видит движение его контактной линзы: его фамильяр приближает картинку. Спину Мухаммеда Басры. Там его имя, номер, логотип спонсора.

– Первый выход на поле в этих игровых костюмах, – говорит Рафа. – Новая сделка. «Холдинг Золотой Феникс».

То же самое название на спине каждого из «Жуан-ди-Деус Мусус».

Ань Сюин отодвигается от перил. Его руки дрожат. Лицо у него бледное и блестит от пота.

– Мне нехорошо, сеньор Корта. Не уверен, что могу остаться до конца игры.

И Лукас позади него. Его рубашка такая свежая, складки такие ровные, нагрудный платок такой безупречный.

– Мне жаль это слышать, мистер Ань. Такое зрелище. Неужели вас расстроил логотип, который мы выбрали для их рубашек? Интересная компания, этот «Золотой Феникс». Мне было на удивление трудно установить, чем они на самом деле занимаются. Судя по моему расследованию, они существуют только для того, чтобы перенаправлять выделяемые на развитие инфраструктуры фонды с помощью серии компаний-пустышек, зарегистрированных в налоговых гаванях – многие из них здесь, на Луне, – согласно закономерности, которую даже мне нелегко распутать. Если вы не хотите следить за игрой – «Тигры» победят, мальчики Рафы в ужасной форме весь сезон, – может быть, нам стоит поговорить о вашей связи с «Золотым фениксом». Видите ли, я могу ее обнародовать. Ваше правительство, похоже, в очередной раз принялось закручивать гайки коррупционерам. Наказания довольно суровые. Или я могу все скрыть. Рафа может убрать с поля эти майки. Вам решать. Мы также можем побеседовать о будущих потребностях Китайской корпорации энергетических инвестиций в гелии-3. «Корта Элиу», безусловно, способна их удовлетворить. Игра продлится час. Уверен, этого времени достаточно, чтобы заключить сделку.

Рука на плече уводит Ань Сюина обратно в директорскую ложу. Прежде чем закрыть дверь, Лукас кивает старшему брату.

«Рэйчел права, – думает Рафа. – Ты умнее меня». Потом раздается свисток, и мяч взлетает. Игра началась!

Один час плюс минутные перерывы. «Тигры» побеждают; 31:15. Разгром. Джейден Сунь ликует, Рафа Корта в унынии. Лукас никогда не ошибается по поводу того, чем заканчиваются игры.

В трамвае будет только одна пассажирка. Охрана Боа-Виста предупреждена. Наблюдение следует вести тайно. Пассажирку ни при каких обстоятельствах нельзя обыскивать. Она приезжает по личному приглашению Адрианы Корты.

Вагон въезжает на станцию Боа-Виста. Женщина, которая ступает на полированный камень, высокого роста даже по лунным меркам; она темноликая и темноглазая, худая, как лезвие. На ней просторные белые одежды: платье со множеством юбок, свободный тюрбан. Цвета: тканая накидка, зелено-золотая и синяя; ряды за рядами тяжелых бус на шее, золотые обручи в каждом ухе и на каждом пальце. Просторная одежда подчеркивает ее высокий рост и худобу. У женщины нет фамильяра; его отсутствие похоже на утраченную конечность. Охранники выпрямляют спины. Она искрится харизмой. Они бы и не помыслили о том, чтобы ее обыскать.

– Ирман, – говорит Нильсон Нуньес, управляющий Боа-Виста. Она признает его легчайшим кивком. В саду семьи Корта женщина останавливается. Смотрит вверх, на небесные панели, и моргает в свете фальшивого солнца. Обозревает огромные каменные лица ориша, беззвучно проговаривает имя каждого из них.

– Ирман?

Кивок. Вперед.

Адриана Корта ждет в павильоне Сан-Себастьян, собрании колонн и куполов в высшей точке наклонной лавовой трубки. Потоки воды стремительно текут между его столпами. Два кресла, стол. Самовар с мятным чаем. Адриана Корта, одетая в домашние брюки и мягкую шелковую блузу, встает.

– Ирман Лоа.

– Сеньора Корта. Я принесла вам самые сердечные приветствия сестринства и благословения святых и ориша.

– Спасибо, сестра. Чаю? – Адриана Корта наливает в стакан мятный чай. – Как бы мне хотелось, чтобы мы могли выращивать в этом мире кофе. Прошло почти пятьдесят лет с моей последней арабики.

Женщина садится, но не прикасается к стакану.

– Сочувствую по поводу недавних неприятностей в вашей семье, – говорит она.

– Мы выжили, – отвечает Адриана. Отпивает мятный чай и морщится: – Мерзость. Никогда я не перестану за них переживать. Рафа не уступит Робсона. Карлиньос раздражен из-за того, что не может вернуться к полевой работе. Ариэль опять в Меридиане. Лукасинью сбежал. Лукас заморозил его счет, но это мальчишку не остановит. Он в большей степени похож на своего отца, чем Лукасу кажется.

Ирман Лоа поднимает крест из каскада своих бус, подносит к губам и целует распятого человека.

– Да защитят вас святые и ориша. А Вагнер?

Адриана Корта отмечает вопрос, задавая свой:

– А вы? ваш труд теперь в безопасности?

– И святой, и грешник платят налог на воздух, – говорит ирман Лоа. – А католицизм все еще настроен против нас. С другой стороны, фестиваль в честь Успения Пресвятой Богородицы оказался самым успешным из всех, что мы проводили. Ваше покровительство – неизменное благословение для нас. Так редко удается найти кого-то, с кем мы мыслим одинаково; не всякий век такое случается.

– Вы инвестируете в людей. Я инвестирую в технологии. Наши долгосрочные цели неизбежно совпадут. Лучше пусть они совпадут сейчас, чтобы узнали друг друга, когда совпадут снова, сотни – тысячи – лет спустя. Мало кто из людей способен мыслить долгосрочно. По-настоящему долгосрочно. И вы, и мы – династии.

Вдоль ручейка бежит Луна, привлеченная голосами: босоногая, в красном платье для игр.

– Ты кто? – спрашивает она женщину в белом.

– Это ирман Лоа из Сестер Владык Сего Часа, – говорит Адриана. – Мы пьем чай.

– Она не пьет, – провозглашает Луна.

– Что это у тебя над плечом, ночная бабочка? – говорит ирман Лоа. Луна кивает, все еще немного опасаясь худой женщины в белом, несмотря на ее улыбку. – Ее привлекает свет. Но из-за того, что она такая целеустремленная, ее легко отвлечь. Бабочка так хрупка, и все же она дочь Йеманжи. Она полна интуиции, эта ночная бабочка. Ее тянет к любви, а других тянет любить ее.

– У тебя нет фамильяра, – говорит Луна.

– Мы ими не пользуемся. Они зря занимают место. Мешают нам общаться.

– Но ты можешь видеть моего.

– Мы все носим линзы, анзинью. – Ирман Лоа достает из складок тюрбана маленький предмет и вкладывает его в ладонку Луны: миниатюрный оберег в виде русалки со звездой во лбу, напечатанный из пластика. – Владычица Вод. Она будет твоей подругой и укажет тебе путь к свету.

Луна сжимает богиню в кулачке и вприпрыжку уносится по беспокойному ручью.

– Это было очень мило с вашей стороны, – говорит Адриана. – Думаю, из всех своих внуков я Луну люблю больше остальных. Я за них боюсь. От шлепанцев к шлепанцам за три поколения. Знаете эту поговорку, сестра? Первое поколение вырастает из обуви для бедняков. Второе поколение создает богатства. Третье поколение их проматывает. И опять надевает шлепанцы. Долгосрочные проекты, сестра.

– Почему вы меня сюда пригласили, сеньора Корта?

– Хочу исповедаться.

На бесстрастном лице ирман Лоа отражается удивление.

– Со всем уважением, сеньора, вы не похожи на женщину, которая знает толк в грехах.

– А Сестры – не та религия, которая знает толк в грехах. Я старая, сестра. Мне семьдесят девять лет. Биологически возраст не такой уж большой, но я старше многих вещей в этом мире. Я не была первой, но стала одной из немногих. Я пришла из пустоты – я была девушкой из ниоткуда – и построила все это прямо здесь, в небесах. Я хочу рассказать эту историю. Полностью. Со всем хорошим и плохим. Вы действительно думали, что мои деньги были просто подарком?

– Сеньора Корта, простодушие и наивность – это разные вещи.

– Будете приходить сюда раз в неделю, и я буду вам исповедоваться. Моя семья станет задавать вопросы – Лукас стремится меня защищать, – но они ничего не должны знать. Пока я не... – Адриана Корта умолкает.

– Вы умираете, верно?

– Да. Я держала все в тайне, разумеется. Знает только Элен ди Брага. Она прошла со мной через все.

– Все уже очень далеко?

– Далеко. Боль под контролем. Знаю, я возлагаю на ваши плечи тяжелое бремя. Что вы скажете Рафе, Ариэль, но большей частью Лукасу, решайте сами. Однако Лукас будет в особенности приставать, приставать и приставать. Ваша кровать должна быть герметичной, как повскаф. Если дети узнают, что я умираю, они разорвут друг друга на части. «Корта Элиу» падет.

– Я бы хотела помолиться за вас, сеньора Корта.

– Поступайте как знаете. Итак, я начинаю.

Три

Мое имя. Начнем с моего имени. Корта. Не португальское имя. Слово испанское: оно означает «рубка». На испанском это на самом деле не совсем имя, а звук, который катался по всему миру, от страны к стране, от языка к языку, и стал словом, а потом именем, и наконец его волнами принесло к берегам Бразилии.

Когда подаешь заявку, чтобы отправиться на Луну, КРЛ настаивает на ДНК-тесте. Если планируешь остаться, если собираешься растить детей, КРЛ не нужно, чтобы в зрелом возрасте или в потомках проявились хронические генетические заболевания. Моя ДНК со всей Земли. Старый Свет, Новый Свет; Африка, Восточное Средиземноморье, Западное Средиземноморье, тупи, японцы, норвежцы. Я планета, заключенная в одной женщине.

Адриана Корта. Адриана – в честь моей двоюродной бабки Адрианы. Мое самое четкое воспоминание о ней – то, как она играла на электрооргане. Она жила в маленькой квартирке, и посреди комнаты стоял огромный электроорган. Это была единственная ценная вещь, принадлежавшая ей, причем защищенная от грабителей: никто бы не смог вытащить орган из квартиры. Она играла, а мы танцевали вокруг. Нас было семеро. Байрон, Эмерсон, Элис, Адриана, Луис, Иден, Кайо. Я была средним ребенком. Хуже не придумаешь, чем быть средним ребенком. Но тебе многое сходит с рук, когда ты посередине. Твои братья и сестры – твой камуфляж. В доме всегда звучала музыка. Моя мама не умела играть ни на каком инструменте, но любила петь, и где-то всегда работало радио. Я выросла, слушая старую добрую музыку. Привезла ее с собой. Когда я работала на поверхности, она играла в моем шлеме. Лукас – единственный, кто унаследовал мою любовь к музыке. Жаль, что у него нет голоса.

Адриана Арена ди Корта. Мою мать звали Мария Сесилия Арена. Она была медработником в католической благотворительной организации. Забота о детях, и никакой контрацепции. Я к ней несправедлива. Она работала в Вила-Каноас; провожать ее на пенсию пришла вся фавела¹¹. Мой отец однажды обжег руку, когда варил какую-то деталь автомобиля. Он отправился к матери, чтобы она обработала ожог, и в итоге «приварил» себя к ней. Она была крупной, медлительной женщиной с неповоротливыми бедрами; после рождения Иден бросила работу и редко выходила из квартиры. Она и не пыталась бегать следом за нами, зато кричала. Ее громкий, зычный голос всегда в точности достигал ушей того, кому следовало услышать. Она была такой доброй. Папа ее обожал. У нее было плохое кровообращение и больное сердце. Почему медработники всегда самые нездоровые?

Я все еще скучаю по ней. Из всех, кто там остался, о ней я думаю чаще всего.

Адриана Мано ди Ферро Арена ди Корта. Мано ди Ферро. Железная Рука. Ну и имя, да? Мы все были Железные Руки, как мой отец и дядя. Это прозвище носил мой дедушка Диогу из Белу-Оризонти, который умер до моего рождения. Он работал в железных шахтах с четырнадцати лет, пока его не перестали нанимать, потому что он представлял опасность для себя и остальных. Десять миллионов тонн перелопатил. Я перелопатила еще больше. В тысячу раз больше. В десять тысяч раз больше. Если кого и можно назвать Железной Рукой, то меня. Горные работы и металл. Отец мой машинами торговал. Он умел разбирать двигатели на винтики и заново собирать еще до того, как научился водить. Он приехал в Рио, когда по Минас-Герайс ударила рецессия, и получил работу в мастерской, которая занималась «конструкторами» – берутся два списанных по страховке автомобиля, от одного отрезают переднюю часть, от другого – заднюю и приваривают одну к другой. Новая машина! Работа ему никогда не нравилась – он был честным человеком, мой отец. Мог раскричаться у экрана, заслышав какие-нибудь новости о коррупции или незаконных доходах. В Бразилии в десятых и двадцатых годах

¹¹ Фавелы – трущобы в городах Бразилии.

он кричал постоянно. Незаконные доходы за счет Олимпийских стадионов! Рабочие люди не могут себе позволить ездить на автобусе! Он ввязался в торговлю машинами – хотя я бы не стала вникать в детали по поводу того, насколько это честнее, чем конструировать поддельные авто. Но он быстро заработал деньги, чтобы открыть свой автосалон, а потом рискнул и купил франшизу «Мерседес». Это оказалось лучшее из всех решений, которые он принял, – после женитьбы на майн. У моего отца, похоже, был талант к бизнесу. Он перевез нас в Барради-Тижука. Ох! Я никогда не видела ничего похожего! Целый этаж в многоквартирном доме – только для нас. Мне приходилось делить комнату лишь с одной сестрой. И если мы высовывались из окна да выгибались за угол, то там, между другими многоквартирными домами, можно было увидеть море!

Адриана Мария ду Сеу Мано ди Ферро Арена ди Корта. Мария Небесная. Мадонна звездного неба. Моя мать работала на «Абригу Крису Редэнтур», мы ходили на мессы и читали катехизис, но она оставалась далека от того, чтобы быть хорошей католичкой. Когда мы болели, она зажигала свечку и клала священный медальон под подушку, но также покупала травы, молитвы и иконы у майн-ди-санту. Двойная страховка, так она это называла. Чем больше божеств привлечь к делу, тем лучше. Мы выросли на пересечении двух невидимых миров, святых и ориша. Так что меня называли в честь католической святой, которая также была Йеманжей. Помню, мама водила нас на пляж в Барре на Ревейллон. Это был тот единственный раз в году, когда она ходила на пляж. Океан ее пугал. Неделю после Рождества мы проводили, делая костюмы – сине-белые, священных цветов. Майн сооружала фантастические головные уборы из проволоки и старых колготок, а пай раскрашивал их краской из баллончика в задней части мастерской. Вот чем для меня пахнет Новый год – краской для машин. Майн одевала нас всех в белое, и люди глядели на нее с уважением, когда она шла на пляж. Я так гордилась – она была похожа на большой корабль. Миллионы людей отправлялись на Ревейллон в Рио, но мы в Барре были не лыком шиты. Это был наш фестиваль. Все вывешивали с балконов пальмовые листья. Машины ездили туда-сюда по авенида Сернамбетиде, играя музыку. Людей собиралось так много, что ездить приходилось медленно, чтобы даже очень маленьким детям ничего не угрожало. Были диджеи и много еды. Все, как нравилось Йеманже. Травка. Цветы. Белые цветы, бумажные лодки, свечи. Мы шли к краю воды, и океан касался наших пальцев. Даже майн по лодыжки уходила в набегающие волны, и песок ускользал из-под ее пальцев. Цветы в наших волосах, свечи в наших руках. Мы ждали момента, когда край луны взойдет над морем. И вот он появлялся – узкий серп, тонкий, как срезанный ноготь. Он как будто проступал над горизонтом. Огромный. Такой огромный. Потом мое восприятие сдвигалось, и я видела, что он не поднимался из-за края мира; он возникал из воды. Море кипело и бурлило, и пена на волнах сходилась в одну точку, превращаясь в луну. Я теряла дар речи. Все мы теряли. И вот мы стояли, тысячи и тысячи людей, и смотрели. Мы были бело-синей полосой вдоль края Бразилии. Потом луна восходила, ясная и полная, и серебристая линия тянулась через море от нее ко мне. Тропа Йеманжи. Дорога, по которой Мадонна шла, чтобы достичь нашего мира. И я помню, как думала: но ведь дороги ведут в оба конца. Я могла бы пройти по этой тропе до луны. Потом мы бросали цветы в воду, и волны уносили их прочь. Мы помещали короткие свечи в бумажные лодочки и пускали их вслед за цветами. Большинство тонули, но некоторых утягивало по лунной тропе к Йеманже. Я никогда не забуду эти миниатюрные лодочки, которые, прыгая на волнах, удалялись к луне.

Майн так и не поверила, что там, наверху, на Луне, были люди. Она не могла такое постичь. Луна – личность, не каменный спутник планеты. Люди не могут ходить как блохи по коже других людей. Она все еще не верила, что люди там ходят, много лет спустя, когда я привела ее на пляж, прежде чем уехать. К тому моменту она уже с трудом передвигалась. Я наняла машину, и мы проехали пару сотен метров до пляжа. Пай потерял свой автосалон. Мы больше не были «автомобильщиками». Квартира у нас осталась, потому что пай рано выплатил

кредит. В ней опять нас было полно: Байрон, Эмерсон, Элис, Луис, Иден, Кайо. Адриана. Все птички вернулись на свои жердочки.

Майн к тому времени сделалась огромной, как луна, но все люди, что пришли на Ревейллон, выказывали ей уважение, и машины на авениде гудели в ее честь. Она была величественной и святой. Я взяла ее за руку, провела к воде, и мы увидели, как луна восстает из моря, и я сказала: «Скоро буду там». Она рассмеялась и не поверила, но потом сказала: что ж, мне будет нетрудно выйти на балкон и помахать тебе.

Адриана Мария ду Сеу Мано ди Ферро Арена ди Корга. А Отра. Отринья. Другая, просто какая-то там малышка. Среднестатистическая Джейн. Вот что значит мое последнее имя. Оно-то и предопределило мою жизнь в большей степени, чем все остальное. Средняя. Не первая красавица, не самая умная и не самая общительная. Не та, кто первой получает от вову деньги на Пасху. Просто какая-то там Адриана. Ноги у меня были хорошие, но тело – слишком короткое, а нос и уши – чересчур большие. Глазки как щелочки, и кожа слишком темная. Мои родители думали, что оказывают мне услугу. Они не хотели, чтобы я питала какие-нибудь иллюзии. Они говорили: тебе не быть красавицей, судьба не осыплет тебя золотом, не одарит удачей, так что не жди, что мир упадет в твои руки, как персик. Тебе придется ради этого трудиться. Тебе придется использовать все свои сильные стороны и таланты, чтобы добиться того, что другие получают за красивые глаза и улыбки. Другая. Никто меня так не называл уже пятьдесят лет. Вы единственная в этом мире знаете это имя. И я чувствую, как напрягается моя челюсть. Я стискиваю зубы. Все из-за этого имени. Пятьдесят лет в этом мире, и по-прежнему это имя! Это имя!

Итак: не досталось мне от рождения ни благодати, ни чьей-то поддержки. Итак: нос мой был слишком большим, а кожа – слишком темной. Я должна была сделать себя исключительной. Я должна была стать той, кто может совершить что угодно, на что угодно осмелиться. Я знала, что меня никогда не поймают. В школе я первой поднимала руку. Я не затыкалась, когда мальчики разговаривали. Я взломала школьную сеть и подменила результаты экзаменов. Ясное дело – в этом обвинили одного задрота. Я попросила Малыша Нортонна, звезду футзала, которого боготворили все девочки, засунуть мне руку под юбку спереди. Он так и сделал, и все были в таком шоке. Я носила камуфляж миловидности. В женскую футзальную команду меня взять не захотели. Ну и ладно: я нашла себе другой вид спорта, бразильское джиу-джитсу. Маме это совсем не понравилось. Пай любил смотреть бои без правил по кабельному, и он нашел мне додзе. Я была маленькой, хитрой и подлой, могла бросать на землю мальчишек в два раза старше себя. Я тогда училась в средней школе. Ох, я была плохая. Я обставляла милашек в борьбе за мальчиков, потому что те знали, что я способна на все. Да, я делала все, но меньше, чем думали милашки. Легенда существовала сама по себе. Милашки вышвырнули меня из своих кругов и компашек для избранных. Большая потеря. Они интриговали, пытались как-то меня унижить, но ни одной из них не хватило мозгов на мало-мальски стоящий мошеннический трюк. Они постили про меня всякое на «Фейсбуке»; в ответ я взламывала их десять раз. Кодила я лучше, чем они все вместе взятые. И они не осмелились запугивать меня физически или обливать кислотой из аккумуляторов; я была быстрой, крепкой и могла их расшвырять, как кукол Барби. Средняя школа стала бесконечной войной. Разве всегда и везде не так?

Парни большей частью были ничего, кстати. Болтали про анал, но парни всегда болтают про анал. Минета хватало, чтобы их удовлетворить. Они боялись меня не меньше девушек.

Разве это не скандально? Дама моего возраста, говорящая про анальный и оральный секс...

Папай обрадовался, когда услышал, что я собираюсь изучать инженерную науку. Горное дело. Я была истинной дочерью Минас-Герайс. Истинной Железной Рукой. Моя мать испытала все десять разновидностей ужаса. Инженерия была мужским занятием. Я никогда не выйду

замуж. У меня никогда не будет детей. Я стану есть пальцами, под ногтями у меня будет грязь, и ни один мужчина не взглянет в мою сторону. Да к тому же мне предстояло учиться в Сан-Паулу, в этом жутком, жутком городе.

Я полюбила Сан-Паулу. Мне понравилось его пугающее уродство. Понравилась его анонимность. Понравилась его банальность. Понравился бесконечный пейзаж из небоскребов. Понравилось, что он не терпит компромиссов. По сравнению с Луной Сан-Паулу – ангел красоты. На Луне нет ничего красивого. Сан-Паулу был как я; смотреть не на что, но так и брызжет энергией, идеями, гневом и слюной.

Компания друзей у меня подобралась хорошая. В первую очередь и в основном парни – по тем временам женщина, изучающая горное дело, все еще была редкостью, ну а я лучше знала, как устроены парни, чем девушки. Мужчины были простыми и прямолинейными. Я обнаружила, что девушки могут стать моими подругами. Я узнала, чем именно женская дружба отличается от мужской. Я поняла, что девушки могут мне нравиться. Я поняла, что могу их любить. Я была оппортунисткой, скандалисткой. Я знала толк в разных уловках. Я думаю о той молодой женщине, какой была тогда, о ее смелости и дерзости, и обожаю ее. Она не теряла ни единого шанса. Едва въехав в кампус, я раскрасила себя в цвета национального флага, с головы до пят, и проехала голый на велосипеде по улицам Сан-Паулу. Все на меня смотрели – и никто меня не видел. Я была голый и невидимый. Мне это очень понравилось. О, какое у меня тогда было тело. Сколько еще я могла бы с ним сделать!

Теперь я вам расскажу про Лиоту. Это имя я тралом вытащила из глубины своей памяти – вы знаете, что такое траление? Я иногда забываю, что существуют слова и понятия из старого мира, которые новое поколение себе даже не представляет. Животные сравнения, например, – мои внуки просто хмурят брови, когда их слышат. На Луне никто не видел корову, свинью или даже курицу, живую и кудахчущую.

Лиоту. Я больше не вижу его четко, но помню его голос с южным акцентом – он был из Куритибы. Кажется, он стал моей первой любовью. О, вы улыбаетесь... Я не флиртвала с ним, не дразнила его, не соблазняла, не играла с ним в сексуальные игры, так что, наверное, это была любовь. Я встретила его в команде по джиу-джитсу. Спортивные команды – сплошной секс-секс-секс; все им постоянно занимаются. Мы были на соревновании – я в женской команде, легкий класс, пурпурный пояс. Он был из тяжелых, черный, пятый. Помню его вес и пояс, но не его лицо.

Папай одалживал самый яркий «мерседес» из демонстрационного зала и ехал на домашние соревнования. Поездка получалась долгой, но ему нравилось. Потом он вез меня через Жардинс, чтобы поужинать в каком-нибудь местечке подороже. Я выходила из той большой машины и чувствовала себя миллионершей.

И вот однажды он подъехал, а я не села в машину и не отправилась с ним. Я хотела пойти выпить пива с Лиоту, а потом – на вечеринку. Помню печаль на лице папай, когда он понял, что не проедет снова по руа Барано ди Капанема, проверяя меню на экране машины. Думаю, он благодаря мне тоже чувствовал себя миллионером. Он продолжал посещать турниры до самого моего отъезда в Ору-Прету, в аспирантуру. Туда ему было слишком далеко добираться, и я к тому времени начала терять интерес к боям. Год за годом кувыркаяешься на мате, чтоб то новый дан получить, то пояс – ну куда это годится?

Лиоту был уже два года как мертв. Мы оставались любовниками больше года. Меня не оказалось рядом, когда его застрелили на Праса-да-Се. Я работала над курсовым проектом, когда сообщили новость. Я никогда не увлекалась политикой. Я была инженером, он – студентом литфака. Активистом. Он говорил, что я прирожденная капиталистка и не заняла никакой должности лишь потому, что пока не задумалась о политике. У меня был прагматизм. У него – теория. Я никогда не могла с ним спорить, потому что у него все было продумано; доводы выстроены, как солдаты в колониальной армии. Если одна шеренга падала, другая занимала

ее место и вела огонь. Мировой порядок прогнил. Его поразили недуги: социальная несправедливость, расизм, сексизм, неравенство и плохая гендерная политика. Я думала, это просто естественное состояние Бразилии. Но даже я видела, что число вертолетов, летающих над кампусом Университета Сан-Паулу, увеличивается с каждым днем: это были лимузины супербогачей, людей, которые жили наверху, на башнях, и никогда не касались земли. Перемены свалились на наши головы, точно микрометеоры, сотнями маленьких ударов. Стоимость проезда на автобусе и метро снова выросла. Мои друзья вешали на велосипеды метки, потому что участилось воровство, потому что приходилось больше тратить. Магазины закупали глухие ставни, потому что все больше людей спали у входа. Из-за тех, кто спал на улицах, там стало больше камер. Появились следящие дроны. В Сан-Паулу! Может, в каком-нибудь европейском государстве или в Заливе, но это же не по-бразильски. Где дроны, там и полиция. Где полиция, там всегда будет насилие. И цена на хлеб каждый день поднималась выше, выше, выше... Если что-то и способно вывести людей на улицы, то это цена на хлеб.

Лиоту был идейным. Он отправился на Праса-да-Се, рисовал плакаты и проводил пикеты. Он думал, мне это безразлично. Я не была безразличной, но не по отношению к незнакомцам. Не по отношению к китайским компаниям, которые скупали целые провинции и выгоняли людей с их земель. Не по отношению к беженцам из сельской местности, на которых даже фавеладос глядели свысока. Я могла заботиться лишь о том, что знала. О близких, друзьях, семье, что когда-то должна была у меня появиться. Семья прежде всего, семья навсегда.

Я боялась за него. Я смотрела «Ютуб». Я видела, как протесты усугубляются. От криков протестующие перешли к камням и бутылкам с зажигательной смесью. На каждый шаг полиция отвечала: от полицейских щитов дошло до слезоточивого газа и пистолетов. Я сказала Лиоту, что мне не нравится, что он туда ходит. Я сказала, его могут арестовать, или он попадет в тюрьму, потеряет свой РФЛ и больше никогда не получит ни кредита, ни хорошей работы. Я сказала, что он больше заботится о чужаках, чем о людях, которые заботятся о нем. Обо мне. Мы на некоторое время расстались. Секс у нас все же был. Никто на самом деле не перестает встречаться.

Сперва я не знала, что произошло. Сразу пришла дюжина сообщений. О боже. Полиция стреляет. Люди стреляют. Слышны выстрелы. Лиоту ранен, Лиоту в порядке, Лиоту подстрелили. Сообщения приходили, обгоняя друг друга. Была какая-то дерганая съемка: тело затаскивают в дверь магазинчика. Потом сирены, прибыли «скорые». Все вздрагивает, все трясется. Картинка не в фокусе. В отдалении выстрелы. Вы когда-нибудь слышали пальбу? Полагаю, нет. На Луне нет пистолетов. Выстрелы звучат тихо и злобно. Вся эта информация бомбардировала меня, но я не могла различить в ней правды. Я попыталась дозвониться ему. Нет сигнала. Потом начали просачиваться слухи. Лиоту подстрелили. Его забрали в госпиталь. Какой госпиталь? Можете себе представить, какой беспомощной я себя чувствовала? Я обзвонила всех, кто знал Лиоту, кто знал хоть кого-то из его друзей-активистов. Госпиталь Сириу-Либанес. Я украла байк. У меня ушло несколько секунд, чтобы хакнуть следящий чип. Я ехала как чокнутая по загруженным улицам Сан-Паулу. Мне не позволили его увидеть. Я ждала в приемном отделении – там повсюду была полиция и новостные камеры. Я ничего не сказала и забилась в угол. Полиция задавала мне вопросы, а затем и новостники подключились. Я слушала и слушала, но ничего не узнала о том, как он. Потом появилась его семья. Я никогда с ними не встречалась, я даже не знала, что у него есть семья, но сразу поняла, кто они такие. Я ждала и ждала, пытаюсь подслушать. Потом сообщили, что он умер в приемном отделении. Семья была вне себя от горя. Сотрудники госпиталя удержали полицию подальше. Новостники сняли все нужные кадры. Ничего нельзя было сделать. Ничего нельзя было изменить. Смерть все забирает себе. Я уползла прочь на своем ворованном байке.

Погиб Лиоту и еще пятеро. Он был не первым, кого застрелили, так что никто не помнил его имени. Никто не писал краской из баллончика на стенах и автобусах: помните Лиоту

Мацусита! Никто не помнит, кем был второй человек на Луне. Я помню, что оцепенела от потрясения; пришла в ужас, но моей главной эмоцией оставался гнев. Я была разгневана, что он так мало думал обо мне, раз подверг себя смертельной опасности. Я была разгневана из-за того, что он умер так глупо. Я помню гнев, но не чувствую болезненного ощущения, напряженных мышц, давления за глазами – этого ощущения, словно ты умираешь внутри, снова и снова. Я старая. Я долгий путь прошла от той студентки-инженера в Университете Сан-Паулу. У гнева есть период полураспада, верно?

Я спрашиваю себя: если бы Лиоту выжил, что бы он думал обо мне? Я богатая и могущественная. Одно мое слово – и на Земле выключатся все лампы, планета погрузится во тьму и зиму. Я даже не один процент; я один процент из одного процента; из тех, кто покинул Землю.

Через неделю мы забыли про Лиоту Мацусита, второго мученика. Случились новые беспорядки, новые смерти. Правительство нарушило все свои обещания. Потом произошел первый из серии биржевых крахов, и каждый опускал страну и экономику все ниже, пока они не грохнулись оземь и не сломались так, что ремонту уже не подлежали.

Я тогда не знала, что Лиоту был одной из первых жертв классовой войны. Великой классовой войны, направленной на уничтожение среднего класса. Финансовая экономика не нуждалась в рабочих, и механизация загоняла средний класс в гонку по нисходящей. Если робот мог все делать приемлемо и дешевле, робот получал твою работу. Конкурировать приходилось с машинами. Те даже производили приборы, которые требовались, чтобы конкурировать с ними и друг с другом. Если ты был дешевле машины, тебе хватало на еду. С трудом. Мы всегда думали, что робоапокалипсис наступит в виде флотилий дронов-убийц, боевых механизмов размером с дома и терминаторов с красными глазами. А на самом деле его предвестниками были механизированные кассы в местном «Экстра» и на алкостанциях; онлайн-банки; беспилотные такси; автоматические системы оказания медпомощи в госпиталях. Боты один за другим приходили и заменяли нас.

И вот мы здесь, в самом зависимом от машин обществе, которое когда-либо порождало человечество. Я разбогатела, я создала династию на тех самых роботах, которые ввергли Землю в нищету.

Мой отец не помнил, как североамериканцы приземлились на Луне, но он сказал мне, что старый Мано ди Ферро помнил. Он выпивал в баре в Белу-Оризонти. Телевизор переключили на футбол, и Мано ди Ферро чуть не начал драку, настаивая, чтобы хозяин бара вернул репортаж про высадку на Луну. Творится история, сказал он. Мы не увидим более великой вещи за всю свою жизнь. Подделка, кричали другие в баре. Снято в голливудском павильоне! Но он стоял перед телевизором и неотрывно глядел на черно-белые изображения, бросая вызов любому, кто захочет снова переключить на футбол. А сама я помню, когда Маккензи высадили на Луну роботов. Я тоже была в баре со своей исследовательской группой. Я вернулась на родину, в Минас-Герайс и ДЕМИН, горный институт, в аспирантуру. Я сделалась еще большей диковинкой в Ору-Прету. Нет, я была уникальной. Я оказалась там единственной женщиной. Мужчины стали супервежливые и компанейские. Я не позволяла себя исключать из компании, так что в том баре пила с ними пиво. Хозяин перескакивал между спортивными каналами и на миг попал на новости. Я увидела Луну, я увидела машины, я увидела следы колес. Я закричала бармену: эй-эй-эй, оставь. Я была единственным человеком в баре, который смотрел на экран, наблюдал, как вершится история. Австралийская корпорация «Маккензи Майнинг» послала роботов на Луну, чтобы разведывать редкоземельные металлы для IT-индустрии. Почему вы это не смотрите? Мне хотелось наорать на свою группу. Почему не видите того, что вижу я? И вы называете себя инженерами? Глядя на экран, я ощутила проблеск понимания, внутренним взором увидела нечто великолепное. У меня как будто дыхание перехватило, а сердце словно пропускало каждый третий, четвертый такт. Это было чувство, с которым невозможное становилось не просто возможным, но достижимым. Я могла его достичь. Потом новостной сюжет

закончился – он шел ближе к концу выпуска, никого не интересовали космос и наука. Выходки звезд теленовелл и топ-моделей были куда интереснее. Я вышла из бара на террасу, села на стену под пыльными деревьями и посмотрела на ночное небо. Я увидела Луну. Я сказала себе: там, наверху, происходит кое-что важное и кое-кто делает деньги.

Отец приехал повидаться со мной. Приехал на автобусе. Я тотчас же поняла, что новости плохие. Ору-Прету был далеко, но отец сделал бы из поездки приключение. Он потерял свой автосалон. Никто больше не покупал высококлассные «мерседесы», даже в Барре. Он проявил осторожность: выкупил квартиру, и мое образование было в безопасности. При условии, что я защищусь в течение двух лет и не буду еженедельно заполнять холодильник пивом. Но с бизнесом все было кончено, и в его возрасте не осталось надежды на переобучение, чтобы подстроиться под экономику машинного кода, не говоря уже о том, чтобы найти другую работу. Отец был опечален, но горд – он сделал все возможное, наилучшим образом. Его подвели рынки.

Потом явилась Мадонна Туберкулезная и перевернула все его планы. Кайю, малыш; младший братик. Кайзинью: последыш, как мы его называли. Он так и не съехал из родительской квартиры, и казалось, ему вечно будет тринадцать лет. Потеря работы, разводы и семейные проблемы заставили остальных детей мамын Корта вернуться домой. Всех, кроме меня. Ученая, хранительница. Потом Кайю вдохнул бациллу AP-туберкулеза – в автобусе, в аудитории, на мессе. Тогда было три типа туберкулеза. MP, ZP и AP. Множественно резистентный, значительно резистентный, абсолютно резистентный. MP-туберкулез устойчив к антибиотикам первой линии. ZP устойчив даже по отношению к лекарствам второй линии, а это, по большому счету, токсичные препараты для химиотерапии. AP: сами догадайтесь. Белая Леди, так мы эту болезнь называли, и она, влетев в легкие Кайю, проросла там.

Мамайн превратила одну из комнат в санаторий; запечатала ее пластиком. Папа придумал устройство для вентиляции. Госпиталь был им не по карману, как и лекарства. Они покупали экспериментальные препараты на черном рынке – экспериментальные русские фаги; лекарства-дженерики, в которых была черт знает какая химия. Я вернулась домой. Я увидела Кайю через пластик. Входить в комнату было небезопасно. Майн просовывала ему еду на подносах, которые мои братья и сестры воровали в «Макдональдсе», просовывала через два слоя толстого пластика. Кайю упаковывал отходы в два мешка. Я видела его, я видела, что пай устал до мозга костей, я видела, что майн разговаривает со своими святыми и ориша. Я видела, что мои братья, сестры и их дети собирают каждый реал, где только можно: что-то сдают на слом, что-то покупают и продают, где-то устраивают подпольную «животную лотерею». Кайю должен был умереть, но мне не в чем было обвинить своих родных, которые сэкономили каждый сентаво и продолжали надеяться. Они не могли себе позволить, чтобы я закончила аспирантуру. Но был способ, позволявший мне ее завершить. Через несколько недель после высадки Маккензи в профессиональных журналах и на сайтах начали появляться рекламные объявления.

Я подала заявку о переводе на Луну.

Мой научный руководитель помог получить заем. Статья о солнечной очистке редкоземельных элементов, выделяемых из лунного реголита, сделала меня ценным ресурсом для развития Луны. Я получила контракт с «Маккензи Металз». Мою заявку одобрили и выдали заем.

В те выходные я отправилась домой. Я могла себе позволить полететь в Барру и увидела, как трава пробивается сквозь нимейеровскую брусчатку. На крышах многоквартирных домов и в пустых окнах росли кусты. Вдоль авениды Сернамбетиды выстроились ларьки и шалаши, и каждый многоквартирный дом опутала паутина водопроводных труб и электрических кабелей, похожих на фиги-душители. На каждой круговой развязке громоздилось скопище резервуаров с водой и солнечных панелей. Футбольный стадион, Олимпийский парк – вырванные скамейки, половина крыш, сорванная последним штормом, отсутствовала. Город умирал. Вся планета умирала.

Квартира была битком набита людьми, но мне выделили комнату. Кайо все еще ютился в своей пластиковой пещере. Теперь он находился на кислороде. Кайо и я, в наших отдельных комнатах; умирающий принц и вернувшаяся домой принцесса. Днем и ночью работал телевизор, днем и ночью люди приходили и уходили – мужья, жены, партнеры и их родственники, члены семьи, которые на самом деле не были членами семьи. И моя мамайн, такая большая, что могла только ковылять, командовала ими при помощи криков. Той ночью я отправилась на балкон и увидела Луну. Йеманжа, моя богиня: только вот она не восставала из моря; она была далеко за пределами этого мира, и мир обращался к ней. Мир поворачивался, подставляя меня ее взгляду, и вся вода в океане тянулась к ней. И я тоже. О, и я тоже.

Подготовка к Луне мне понравилась. Я бегала, я плавала, подымала тяжести и бегала кроссы. Я была худощавой, целеустремленной и очень, очень спортивной. Я обожала свои мышцы. Думаю, я была весьма влюблена сама в себя. Я сделалась не просто Железной Рукой, а Железной Женщиной.

Южноамериканский тренировочный центр находился в Гвиане, неподалеку от космодрома ЕКА. Во время пробежки я слышала, как ревут, включаясь, двигатели межорбитальных транспортных аппаратов. От них я так тряслась, что глохла. От них тряслись Земля и Небеса. Потом я видела инверсионный след, который изгибался, уходя вверх, увенчанный маленькой темной иглой разгонявшегося космического корабля. Вверх, прочь из этого мира. Они заставляли меня плакать. Каждый раз.

Вот в чем суть тренировок для Луны: ты не тренируешься для Луны. Ты тренируешься для запуска. Луна не нуждалась в моем фантастическом теле. Она должна была его медленно сожрать. Она собиралась превратить меня в себя.

Я была не единственной женщиной, но все же нас оказалось мало. Станция Куро походила на ДЕМИН на стероидах. Луна должна была стать чем-то вроде гигантской университетской футбольной команды в космосе. До меня дошло, что Луна – небезопасное место. Она знала тысячу способов убить тебя, если ты сглупишь, если проявишь невнимательность, если поленишься, но реальную опасность представляли окружающие люди. Луна была не миром, а подводной лодкой. Снаружи поджидала смерть. Я окажусь в замкнутом пространстве с этими людьми. Никаких законов, никакого правосудия; только руководители. Луна была фронтиром, но по ту сторону фронта простиралась пустота. Бежать некуда.

На подготовку к Луне ушло три месяца. Тренировка в центрифуге, тренировка в невесомости – в воздухе, на древнем А319 над южной Атлантикой, и меня рвало каждый раз, когда мы уходили в нырок. И тренировка в скафандрах – они были огромными звякающими штуками по сравнению с пов-скафами, которые у нас есть теперь: попробуй завернуть винт в таких перчатках! У меня получалось хорошо. Хорошая мелкая моторика. Тренировки при низком давлении, тренировки при нулевом давлении. Производство при малой силе тяжести, производство в вакууме, робототехника и кодирование 3D-печати. Три месяца! Трех лет бы не хватило. Трех жизней.

А потом остались три недели до дня запуска. Я снова отправилась домой. Папа устроил вечеринку на крыше. Он всегда хватался за любую возможность устроить шуррасерию. Все говорили мне, как я здорово выгляжу. Это была великолепная вечеринка, радость, пронизанная саудади. Это были поминки по усопшей. Все знали, что я никогда не вернусь.

Кайо умер за три дня до запуска. И мысли мои были не об утрате или скорби. Мои мысли были: почему ты не смог подождать? Неделю, может, пять дней? Почему тебе понадобилось дать мне повод для эмоций, когда я думала лишь о громадной Луне там, наверху, и о звезде в утреннем небе, что делалась немного ярче с каждым днем – то был циклер, приближавшийся к Земле, – а в самую первую очередь о черной птице, которая ждала возможности выкатиться из ангара номер шесть на взлетную полосу.

Итак, гнев, а вслед за ним – угрызения совести. Я попросила внеочередной отгул по семейным обстоятельствам. Мне отказали. Нельзя было рисковать подцепить инфекцию так близко ко дню запуска. Любая бактерия устроила бы хаос в замкнутом пространстве циклера и станции. Луна была огромной стерильной комнатой. Нас ежедневно проверяли на ОРЗ, паразитов, насекомых. Никаких вредителей на Луне.

И вот они сожгли Кайю, чтобы убить Белую Леди, а меня в это время везли в герметичном автобусе к космическому самолету. Мы дюжину раз репетировали посадку в ангаре, но все равно прижались лицом к затемненным окнам, чтобы в первый раз увидеть МТА, черный и блестящий в лучах солнца. Он излучал мощь и безграничные возможности человеческого разума. Многие мужчины плакали. Мужчинам так легко расчувствоваться.

Одетые в костюмы и шлемы, мы пристегнулись и выключили экраны. Мы делали это раньше двадцать раз, но я все равно копошилась с ремнями, с проверочным списком безопасности. Я была не готова. К такому невозможно подготовиться. Я не переставала думать о резервуарах с водородом впереди и позади себя, о резервуаре с кислородом под ногами. Я вся одеревенела от страха. Но потом я обнаружила место за пределами страха и нашла там не спокойствие, не красоту, не покорность или беспомощность, но непоколебимую решимость.

Потом МТА выкатился из ангара и поехал по рулежной дорожке – бряк! бряк! бряк! – шины местами расплющились, пока он стоял. Пятьдесят лет прошло, а я все помню так четко. Я почувствовала, как мы повернули к взлетной полосе. Я почувствовала, как космический самолет замедлился, а потом включились двигатели. О боже! Какая мощь! Вы бы не смогли ничего подобного ощутить, даже воспользовавшись БАЛТРАНОм. Казалось, что каждая часть моего тела вопит. И я обнаружила, что лежит за той решимостью, которая прячется за страхом. Восторг. Чистейший восторг. Это была самая сексуальная вещь, которая когда-либо происходила со мной.

Двигатели отключились. Космолет вздрогнул: отделился отсек с полезной нагрузкой. Наступила невесомость. Я ощутила, как желудок выходит из строя, едкая желчь обожгла мне горло. Вырвать в собственный шлем не просто мерзко. От этого можно захлебнуться. Потом я почувствовала, как центробежная сила тянет желудок вниз, и поняла, что фал нас держит и раскручивает, чтобы зашвырнуть на промежуточную орбиту, к циклеру. «Же» достигла пика, кровь прилила к пальцам моих ног. Опять невесомость. В следующий раз я почувствую свой вес в центрифуге циклера.

Вибрация. Рывок, громкое дребезжание, стук, вой сервомоторов. Мы пристыковались к циклеру. Ремни безопасности расстегнулись. Я оттолкнулась и полетела к открытому шлюзу. Он казался слишком маленьким даже для маленькой меня. Но я прошла, и остальные прошли, все двадцать четыре человека.

Я немного задержалась в шлюзе, вцепившись в стойку, борясь с тошнотой, глядя сквозь окошко на космолет, висевший напротив огромной голубой Земли. Планета была слишком большая, слишком близкая, чтобы можно было ощутить движение циклера, который уносился от нее прочь. Но я его ощутила. Я находилась на пути к Луне, я: Адриана Мария ду Сеу Мано ди Ферро Арена ди Корта.

Четыре

Два поцелуя для Адрианы Корты, по одному в каждую щеку. Маленький подарок, упакованный в японскую печатную бумагу, мягкую, как ткань.

– Что это?

Лукас любит преподносить матери подарки, когда приходит в гости. Он неутомим: по меньшей мере раз в неделю приезжает на трамвае в Боа-Виста и встречается с матерью в павильоне Санта-Барбары.

– Открой, – говорит Лукас Корта.

Он видит, как восхищение разливается по лицу матери, когда она аккуратно разворачивает бумагу и улавливает красноречивый аромат подарка. Ему нравится управлять эмоциями.

– Ох, Лукас, не стоило. Это же так дорого.

Адриана Корта открывает маленькую жестянку и вдыхает густой запах кофе. Лукас видит, как на ее лице отражаются годы и сотни тысяч километров.

– Увы, он не бразильский.

Кофе дороже золота. Золото на Луне дешево, ценится лишь за красоту. Кофе дороже, чем алкалоиды или диаморфины. Принтеры могут синтезировать наркотики; ни один принтер ни разу не произвел кофе, который не был бы дерьмом на вкус. Лукас не любит кофе – слишком горький и еще лживый. Вкус совсем не похож на запах.

– Я его сберегу, – говорит Адриана; закрывает жестянку и на миг прижимает ее к сердцу. – Это нечто особенное. Я выберу подходящий момент. Спасибо тебе, Лукас. Ты звонил Аманде?

– Я подумал, на этот раз можно и пропустить.

Адриана не выражает чувств ни словом, ни взглядом. Брак Лукаса с Амандой Сунь давным-давно превратился в формальность.

– А Лукасинью?

– Я перекрыл ему финансирование. Думаю, Ариэль ему что-то дала. Грязную наличность. Что это говорит о семье?

– Он образумится.

– В какой-то момент мальчику придется взять на себя хоть какую-то ответственность.

– Ему семнадцать. В этом возрасте я бегала со всеми мальчиками и девочками, какие только были доступны. Пусть перебесится. Конечно, отрежь его от денег – будет к лучшему, если он поживет своим умом. Тот трюк с аварийным скафандром был проявлением инициативы.

– Своим умом? Ума-то ему и не хватает. В мать пошел.

– Лукас!

Лукас морщится от упрека.

– Аманда – по-прежнему часть семьи. Мы не говорим плохо о родственниках. И у тебя нет права обижаться на Ариэль. Она еще не согрела свое кресло в «Белом Зайце», а ты ее уже скомпрометировал.

– Мы получили сделку с китайцами. Мы обставили Маккензи.

– Мне это очень понравилось, Лукас. Майки гандболистов были милой деталью. Мы перед тобой в долгу. Но бывают и более важные вещи, чем семья.

– Не для меня, мамайн. Не мой случай.

– Ты сын своего отца, Лукас. Истинный сын своего отца.

Лукас принимает похвалу, хотя для него она горька как кофе. Он никогда не знал своего отца. Он всегда хотел быть сыном своей матери.

– Мамайн, мы можем поговорить по секрету?

– Конечно, Лукас.

- Я беспокоюсь за Рафу.
- Хотелось бы мне, чтобы Рэйчел не забирала Робсона в «Горнило», да к тому же так быстро после покушения на убийство. Кое-кто мог бы усмотреть в этом признаки заговора.
- Рафа убежден, что так и есть.
- Адриана поджимает губы, досадливо качает головой.
- Ох, да ладно тебе, Лукас.
- Он видит руку Маккензи повсюду. Рафа мне сам это сказал. Ты знаешь Рафу: старого доброго Рафу, смешного Рафу, тусовщика Рафу. Кому еще он может сказать то же самое, когда на миг потеряет бдительность? Ты понимаешь, в чем опасность для компании?
- Роберт Маккензи пожелает расплаты за потерю сделки с китайцами.
- Конечно. Мы бы поступили в точности так же. Но Рафа усмотрит в этом еще один признак личной вендетты Роберта Маккензи.
- Чего ты просишь, Лукас?
- Побольше рассудительности. Только и всего.
- Ты хочешь сказать, что достаточно рассудителен?
- Рафа – бу-хвэджан. Я с этим не спорю. Я не собираюсь умалять его престиж. Но, может быть, кое-какие полномочия можно делегировать?
- Продолжай.
- Он лицо «Корта Элиу». Пусть остается лицом. Пусть будет свадебным генералом. Пусть занимается совещаниями и болтовней. Пусть и дальше сидит в своем кресле во главе совещательного стола. Просто надо очень осторожно пресечь для него возможность принимать решения от имени компании.
- Чего ты хочешь, Лукас?
- Только лучшего для компании, мамайн. Только лучшего для семьи.
- Лукас Корта целует мать на прощание: дважды, во имя семьи. По разу в каждую щеку.

Когда до «Горнило» остается двадцать километров по рельсам, фамильяр Робсона Корт-Маккензи будит его песней на ухо. Мальчик бежит в смотровой «пузырь» в передней части вагона и прижимает ладони к стеклу. Для одиннадцатилетки первый взгляд на столицу Маккензи – это навсегда. Их железнодорожный вагон – частный рейсовый челнок «Маккензи Металз», курсирующий через Океан Бурь по медленной восточной линии Первой Экваториальной: шесть комплектов рельсовых путей трехметровой ширины; чистых и сияющих в отраженном свете Земли, огибающих край мира, огибающих весь мир. Скоростной экспресс из Цзиньчжуна как будто выскакивает из пустоты и исчезает, превращаясь в размытую вспышку света. Вид из переднего конца вагона действует на нервы Рэйчел. Мальчику он нравится.

– Погляди, тягач «Ган» – класса, – говорит Робсон, когда вагон проносится вдоль бока длинного, массивного грузового поезда, идущего по медленному четному пути. И быстро забывает об увиденном, ибо на восточном горизонте восходит второе солнце; светящаяся точка, такая ослепительная, что стекло темнеет, защищая человеческие глаза. Точка разрастается, превращаясь в шар, зависший как мираж над краем мира, как будто не приближаясь и не становясь ярче.

«Мы прибудем в „Горнило“ через пять минут», – объявляют фамильяры.

Рэйчел Корта прикрывает глаза рукой. Она много раз видела этот фокус: точка будет плясать и ослеплять, а потом, в последний миг, проступят детали. Это зрелище никогда не перестает изумлять. Ослепительное сияние заполняет весь смотровой «пузырь», а потом челнок въезжает в тень «Горнило».

«Горнило» оседлало четыре внутренних пути Первой Экваториальной. Его вагонные тележки бегают по двум отдельным наружным путям; старая добрая сталь, не маглев. Жилые модули, испещренные окнами и фонарями, висят в двадцати метрах над путями, отбрасывая

на рельсы вечную тень. Над модулями – сепараторы, сортировальные машины, плавильни; еще выше параболические зеркала фокусируют солнечный свет и направляют в конвертеры. «Горнило» – десятикилометровый поезд, оседлавший Первую Экваториальную. Пассажирыские экспрессы, товарняки, ремонтные вагоны ездят под ним и сквозь него, как если бы он был надстройкой колоссального моста. Вечно в движении с неизменной скоростью десять километров в час он совершает один оборот вокруг экватора за один лунный день. Над его зеркалами и плавильнями – постоянный полдень. Сунь называют свой стеклянный шпиль на вершине горы Малаперт Дворцом Вечного Света. Маккензи с презрением относятся к их притязаниям. Они и есть обитатели вечного света. Они купаются в свете, пропитываются им, питаются им; он их выщелачивает и обесцвечивает. Рожденные в мире без теней, Маккензи выпестовали тьму внутри себя.

Вагон заезжает под край «Горнила», в рассеченную лучами прожекторов тень. Проступают очертания товарняка, который извергает реголит через батарею архимедовых винтов. Вагон-челнок замедляется; его ИИ обменивается протоколами с ИИ «Горнила». Эта часть Робсону нравится больше всего. Вагон цепляют захватами, поднимают с путей и помещают в один из доков, предназначенных для прочих железнодорожных челноков «Маккензи Металз». Шлюзы стыкуются, давление выравнивается.

«Добро пожаловать домой, Робсон Маккензи».

Сквозь узкие окна в крыше падают лучи света – такие яркие, что он кажется плотным. Подходы к сердцу «Горнила» охраняет световой частокор; он как будто состоит из осколков тех зеркал, что фокусируют солнечный свет на плавильнях. Тысячу раз Рэйчел шла по этому коридору и неизменно чувствовала вес и жар тысяч тонн расплавленного металла над своей головой. Это опасность, это богатство, и это защита. Расплавленный металл – единственный щит, который бережет «Горнило» от карающего меча радиации. Это постоянное напоминание для людей на борту поезда: расплавленный металл над их головами подобен стальной пластине в разбитом черепе. Шаткое равновесие. Однажды какая-нибудь система может отказать, и металл прольется с небес, но не сегодня, не вскорости, не при ее жизни.

Робсон бежит впереди. У шлюза, ведущего в следующий отсек, он видит Хэдли Маккензи, своего любимого дядюшку, пусть между ними разница в возрасте в каких-то восемь лет. Хэдли – сын патриарха Роберта от его позднего брака с Джейд Сунь. Получается, он дядя, но больше похож на старшего брата. У Роберта Маккензи рождаются только сыновья. «Человеком-на-Луне может быть только мужик», – все еще шутит старый монстр. Посредством селективных аборт, составления генетических карт эмбрионов, хромосомной инженерии шутка стала правдой. Хэдли подхватывает Робсона, бросает в воздух. Мальчик взлетает высоко, смеется, и сильные руки Хэдли Маккензи его ловят.

– С бразильцем все ясно, полагаю, – говорит Хэдли и целует сводную племянницу в каждую щеку.

– Сдается мне, он сам как ребенок, – отвечает Рэйчел Маккензи.

– Мне ненавистна сама мысль о том, что Роббо мог бы расти там, – заявляет Хэдли. Он невысокий, жилистый и стальной, весь состоит из узлов доведенных до совершенства мышц и сухожилий. Клинок Маккензи, густо покрытый веснушками от множества сессий в соляриях. Пятно на пятне; человек-леопард. Он постоянно скребется и чешет кожу. Слишком много времени провел под солнечными лампами, перебрал витамина D. – В таком месте ребенок не научится правильной жизни.

«Сообщение от Роберта Маккензи», – объявляет Камени, фамильяр Рэйчел. Выражения лиц Хэдли и Робсона говорят Рэйчел, что им пришли аналогичные известия. «Рэйчел, любовь моя. Рад, что ты привезла Робсона домой в целости и сохранности. Восхищен. Приходи повидаться со мной». Голос мягкий, все еще не утративший западноавстралийского акцента и нере-

альный. Роберт Маккензи потерял этот голос еще до того, как родились три человека, сейчас стоявшие в вестибюле. Изображение на линзах – не Роберт Маккензи, но его фамильяр: Рыжий Пес, символ города, который породил амбиции патриарха «Маккензи Металз».

– Я отведу тебя к нему, – говорит Хэдли.

Капсула отвозит Рэйчел, Робсона и Хэдли к голове «Горнила»; десять километров по четному пути. Рэйчел кажется, что маглев-двигатель капсулы усиливает слабое, но постоянное дрожание, порожденное движением поезда. Медленное раскачивание «Горнила» на рельсах – пульс, с которым бьется сердце ее дома. Рэйчел Маккензи была начитанным ребенком, и на экранах, среди миров, выстроенных из слов, она плавала по океанам из воды с грозными пиратами и головорезами. В мире каменных морей сердцебиение «Горнила» – единственное ощущение, которое она в своем воображении может сравнить с пребыванием на борту парусника.

Капсула резко сбавляет скорость, и происходит стыковка. Открывается шлюз. Рэйчел вдыхает зелень и гниль, влажность и хлорофилл. Этот вагон – огромная стеклянная теплица. При постоянном освещении и в низкой лунной гравитации папоротники вырастают до громадной высоты; зеленый свод из листьев затмевает изогнутые опорные балки оранжереи. Свет здесь пестрый, полосатый как тигриная шкура: солнце стоит неподвижно, на волосок от зенита. Все папоротники наклонены в его сторону. Посреди папоротников раздаются птичьи крики, мелькает яркое оперение. Кто-то где-то ухает. Это райский сад, однако Робсон хватается за руку матери. Здесь обитает Боб Маккензи.

Тропа вьется между бассейнами и тихо журчащими ручьями.

– Рэйчел. Дорогая!

Джейд Сунь-Маккензи приветствует свою сводную внучку двумя поцелуями. То же с Робсоном. Она высокая, с длинными пальцами, элегантная и нежная, как ветви папоротников вокруг. Она как будто не постарела ни на день после того, как вышла замуж за Роберта Маккензи девятнадцать лет назад. Никого из потомков Роберта Маккензи не обманывает ее внешний вид. Она состоит из проволоки и шипов, из тугой и мускулистой воли.

– Ему не терпится увидеть тебя.

Робсон крепче сжимает руку матери.

– Он был в дурном настроении после того, как Корта украли ту экспортную сделку с китайцами, – бросает Джейд через плечо. Она видит, как Робсон смотрит на мать снизу вверх. – Но вы подсластите пиллюлю.

Роберт Маккензи дожидается в бельведере, сотворенном из сплетенных ветвей папоротников. Волнистые попугайчики и длиннохвостые попугаи все так же безумно чирикают и щебечут. Роботы-бабочки лениво порхают, размахивая радужными полимерными крыльями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.